

Я — не ум

Бывает, одни считают меня умом, и анализируют мои теории,
другие думают обо мне как о теле, считают меня телом,
и рассуждают обо мне как о теле,
словно сапожник судит человека
по качеству его сапог,

Третьи же говорят обо мне как о личности,
иногда они восхваляют, а иногда хулят меня,
я не сержусь на них, просто я знаю,
как трудно это понять —
кто же я таков на самом деле,

Ведь никто не сможет этого понять,
пока он в глубоком самадхи не поймет
самого себя или Бога,
что для Адвайты — одно и то же,
пока его ум не замолчит и не растворится
в источнике Бытия.

Я — не ум, я не имею с умом ничего общего,
ни одна мысль, концепция, теория или философия
не имеет отношения ко мне,
но ты этого сразу не поймешь,
поэтому я проявляю изощренный ум
в качестве искусного метода,
чтобы привести тебя к не-уму — мудрости.

Я — тишина, я — не слова, ни одно слово не коснется меня,
но без слов ты меня не услышишь,
поэтому я использую много слов, песен, мантр,
чтобы помочь тебе придти ко мне,
тому, кто за пределами этого.

Я — не тело, у меня нет формы,
но ты не сможешь учиться у того,
у кого нет формы и тела,
поэтому я использую образ, форму и тело
как искусные методы,
чтобы помочь тебе выйти за форму,
и, отбросив привязанность к форме,
познать мудрость (джняну).

Я — не правила и не дисциплина йоги, не — метод, не усилие,
но ты этого сразу не поймешь,
поэтому я применяю методы, правила садханы,
усилия как искусные методы,

чтобы помочь тебе выйти в мудрость,
То, запредельное, что вне всего этого.

Я — не аскеза, не отречение и не отрицание,
и не потакание и не желание, не привязанность,
но как искусные методы я проявляю это
чтобы привести тебя к мудрости,
где нет всего этого.

Я — не действие, не делатель, не плоды делания,
и не тот, кто их вкушает,
но ты не понимаешь этого,
поэтому я делаю вид, будто я что-то делаю
и получаю плоды,
чтобы привести тебя туда, где нет ни делателя,
ни действий, ни их плодов и последствий.

Ты спросишь, где я так научился играть, проявлять эту лилу?
Я отвечу: это не я играю,
а Бхагаван играет через это тело,
это тело Его проводник, медиум и глашатай,
Его язык, глаза, руки и ноги,

Только Бхагаван может играть,
играть — это Его сущность,
я же, как личность и ум — исчез.

Нет никакого «Я», но ты этого сразу не поймешь,
поэтому я употребляю слово «Я», делаю вид,
будто я тоже личность,
чтобы помочь тебе придти к тому парадоксальному,
великому,
непостижимому,
что за пределами «Я».

Свами Вишнудевананда Гири

Детство как космос

С самого детства я любил космос и все, что с ним связано. Мое поколение росло в 70-е и 80-е, под непрерывные телетрансляции о запусках космических кораблей, международных космических станциях и о героях-космонавтах, покоряющих космос. Космическая фантастика, фантастическая литература об освоении других планет были излюбленной темой наших разговоров во дворе и в школе. Жюль Верн, Александр Беляев, Айзек Азимов, братья Стругацкие, Кир Булычев, Рэй Брэдбери — эти книги воспитали целое поколение моих сверстников. Коммунистическая идеология, при всех ее изъянах, воспитывала в людях дух прогрессорства и предполагала активное освоение космоса.

В школе учитель истории рассказывал нам, что через 20 лет будет построен коммунизм, и скоро будут созданы базы и космические станции на Луне, Марсе, Венере и других планетах. Будет налажено постоянное транспортное сообщение между Луной и Землей, а мы, как подрастающее поколение, должны готовиться к этому.

Тогда подобным вещам никто не удивлялся, все это говорили, все верили этому и принимали как должное. С другой стороны, сам я всегда ощущал мир людей и земную реальность чем-то уж очень детским, а когда подрос, на полном серьезе хотел стать космонавтом, улететь с Земли, чтобы исследовать другие миры и созерцать безграничные космические пространства. Космическая бездна, от которой веяло вселенским холодом и бесконечностью, запредельностью, больше всего соответствовала моему внутреннему духовному состоянию. Поэтому стена над моим письменным столом была заклеена портретами Юрия Гагарина и других космонавтов, фотографиями звездного неба, снимками Луны и других планет солнечной системы.

По чертежам из журнала «Юный техник» я смастерил телескоп, чтобы часами рассматривать небо, Луну и звезды. Я считал это своим будущим, поскольку понимал, что земная реальность — не для меня. Она мне казалась скучной, пресной и бессмысленной. Из фильмов я любил только фантастику, где показывали космос, инопланетян и безграничное пространство.

Мы с друзьями часами обсуждали, как попадем на другие планеты, будем исследовать неземную жизнь, возможно, сражаться с инопланетными тварями. Сидеть на Земле, жить как обыватель, искать земное счастье — меня вовсе не привлекала такая перспектива.

В это же время я начал писать фантастические рассказы и отсылать их в журнал «Искатель» и другие. Тогда я еще не подозревал, что вскоре я обнаружу бесконечный космос внутри себя и действительно стану настоящим космическим странником, но для этого мне не понадобится ни летное училище, ни центр подготовки космонавтов, ни ракеты, ни скафандры...

Откуда все мистическое началось в моей жизни

Шел 1973 год. Мне исполнилось шесть лет. Я жил в квартире пятиэтажного дома, в месте своего появления на свет — городе Лозовая, под Харьковом. Город был не ахти какой, но мне он тогда очень нравился. Чем? Своими живыми запахами, жизнью простых людей, своей какой-то провинциальной детской наивностью. Своим огромным вокзалом, железной дорогой, мостом над ней, вечными гудками поездов и дикторским голосом диспетчера, объявляющего поезда.

Я был наивен, и город был наивен вместе со мной.

Пыль на асфальте летом, после дождя, пахла замечательно.

Мама меня лелеяла, не чая во мне души. А отец любил катать меня на велосипеде по дороге в детский сад.

К нам из деревни в двадцати километрах от города часто с подарками приезжала бабушка — мать отца, которую я очень любил. В этом городе жила почти вся наша родня — моя двоюродная бабушка, мои тетки, дяди, кумовья, двоюродные братья, друзья отца, которых я не очень-то знал, но они все меня хорошо знали, что меня тогда удивляло.

Отец тогда работал в типографии, мать училась на бухгалтера и работала крановщицей.

Мы все в то время почему-то были полны беспричинного счастья и энтузиазма.

Я хорошо запомнил 31 декабря 1973 года, так как в этот день без разрешения родителей первый раз выстрелил из хлопушки у елки и обжег себе руку. Отец отругал меня, а я и без того был напуган и расстроен, но ситуацию сгладил приезд к новогоднему столу моего дяди — брата матери. Он мне подарил кучу значков, которые, кстати, позже у меня пытались отобрать разные хулиганистые дети в детском саду.

Я помню, как после Нового года мы всей семьей долго собирали вещи в большие матерчатые полосатые мешки, готовясь к переезду, и мне это очень нравилось.

Наступила весна. Долгожданный переезд состоялся.

Моя семья, то есть отец и мать вместе со мной, только что переехали из-под Харькова в город-герой Севастополь по совету моей тети, двоюродной сестры отца, которая уже давно в нем жила. Отец говорил, что переехали мы главным образом ради меня, так как он считал, что мне надо учиться и развиваться в приличном и большом городе, а мой родной город Лозовая, по его мнению, был слишком прост и мал для этого.

Новый город мне понравился, а сам район — не очень. Это был старый район с частными домами и узкими улочками в пяти километрах от моря. Дом был частный, тоже старый, но мне он нравился, так как находился на возвышении, в нем было несколько сараев, а наверху, «на втором этаже» был большой двор с виноградником и прекрасным видом сверху на город. К тому же отец взялся с энтузиазмом переделывать и ремонтировать дом. Он планировал увеличить виноградник и делать свое виноградное вино. Отец сделал мне во дворе турник и подвесил на него боксерскую грушу, чтобы я «рос спортивным».

Отец поступил в войсковую часть на службу мичманом на базу торпедных катеров, на должность заведующего химическим складом. Мне первое время было удивительно видеть его в военной форме. Мать устроилась на работу на радиозавод.

Я быстро познакомился с местными детьми. У нас были свои излюбленные места для детских игр — поляны среди деревьев. На одной поляне стоял большой камень-валун.

Мы играли в футбол, «собачку», «выбивалу», «выше ноги от земли», «казаков-разбойников», в «лова», в «банки», в «чу» на значки, монеты и фантики. Через некоторое время я стал у них как бы «командиром», так как постоянно что-то придумывал. Иногда после игр, я садился на этот большой камень-валун на нашей поляне, а дети садились рядом. Сидя на камне я совсем неожиданно для себя начинал рассказывать им о космосе, других мирах, вселенной, о бесконечности внутри нас, о том, что наш мир — очень ограничен и что есть другие миры, и о том, что все люди живут бессмысленно, так как не стремятся понять эту внутреннюю бесконечность. Я убеждал их думать о бесконечности, хотя казалось, сам, умом, не очень понимал, о чем это я говорю. Я просто чувствовал это внутри, не думая об этом.

В другое время я брал большую (цыганскую) иголку или колючку и прокалывал себе руку, говоря:

— Видите, мне не больно, потому что я — йог.

Дети слушали, как говорится, раскрыв рты. Я сам не особо задумывался о том, почему говорю все это. Происходило все само собой, естественно. Никто в семье у нас никогда не вел разговоры ни о йогах, ни о других мирах и бесконечности.

Однажды после игры я просто сидел на краю поляны, расслабившись. Внезапно мой дух начал раскрываться, словно я начал вспоминать что-то забытое. Я почувствовал необычайное единство со всей вселенной, и блаженство, которое разливалось во мне.

Я как бы на время стал поляной, кустами, детьми, дорогой, домами и всем, что мог видеть вокруг. Это было так необычно, что я замер, боясь пошевелиться.

Мои друзья звали меня играть, но мне надо было побыть одному, чтобы не потерять это переживание. Я сказал, что мне надо идти домой и пошел к себе.

Дома родителей не было. Я достал ключ из «тайного места» за дверью, вошел, и спустился по лестнице вниз.

Состояние не исчезало, а наоборот углублялось. Не теряя его, я походил по двору, зашел под навес. Внезапно я ощутил свое чувство «Я», как что-то настолько гигантское, глобальное, непостижимое, вечное и бесконечное, что у меня аж дух захватило, а в ушах послышался то ли звон, то ли свист.

Я замер, задав себе вопрос: что есть это «Я»?

Я сильно сосредоточился на своем «Я», и осознавал некоторое время очень остро и отчетливо: «Я», «это Я», «Я-есть!»

Будучи в этом «Я-есть» я как бы увидел его всеохватывающую, всепронизывающую тонкость, и, увидев, сразу же вошел в нее глубже. Я почувствовал, как эта тонкость начала расширяться во мне, охватывая все большее и большее пространство. Расширение не прекращалось еще минут пятнадцать. Оно вызывало восторг и благоговение.

Я не испугался, а просто оставался в нем, наслаждаясь его необычностью. Мне оно показалось очень знакомым, родным. Казалось, я просто забыл то, что всегда знал, а вот теперь снова вспомнил.

Прошло тридцать восемь лет с того момента, но я помню его, как будто это было вчера. Это «Я есть» ничуть не изменилось, не ушло, только стало гораздо более гибким, мощным и глубоким.

Это воспоминание открыло совершенно новый этап в моей жизни, когда я стал со стороны смотреть на игры, других детей, взрослую жизнь, с ее проблемами и ценностями.

После него я уже не мог остаться прежним. Я быстро, очень быстро повзрослел после этого переживания. Все, что было накоплено в моем детском уме до этого, было освобождено и оставлено ради этого нового и великого «Я». Это «Я» было самой сутью всего Божественного, что есть во вселенной. Так это я чувствовал.

С того момента, где бы я ни был, это «Я-есть», подобное величественному пространству, стояло между мной и миром, и никуда не уходило. Оно постепенно, мягко и ненавязчиво взяло руководство моей жизнью и проникло в каждый ее уголок. Оно мягко, но властно и уверенно стало вести меня по жизни, отделять меня от всего того в мире, что им не являлось, всякий раз усиливаясь, если мой ум хотел снова «заиграться» в мыслях или внешних вещах.

Ничто не могло увлечь меня с тех пор, так как это «Я-есть» всегда стояло между мной и любым переживанием, показывая его иллюзорность.

У меня теперь появился как бы свой пробный камень, на котором я испытывал любое ощущение или событие. Он сделал меня отрешенным наблюдателем жизни. Вместо того, кто переживает жизнь, я чувствовал себя тем, кто ее наблюдает.

Был, правда, один вопрос, который некоторое время все же беспокоил меня: как мне жить в теле ребенка с этим новым состоянием? Как ходить в школу, учиться, вести себя с

родителями — с тем Нечто, что прочно поселилось у меня внутри? Ведь я был еще очень мал, а то, что оказалось у меня внутри, было гораздо большим, чем родители, школа, друзья, да что там — большим, чем весь мир!

Я, в силу легкости характера, интуитивно решил этот вопрос для себя очень просто: это Нечто я стал скрывать везде и всюду, как только мог. Чтобы скрывать его, я научился старательно играть разные роли, когда это требовалось — хорошего сына, идеального октябренька, а затем пионера-школьника, друга, спортсмена и т.д. Все это казалось мне забавной секретной игрой, похожей на игру в шпионов, а играть я любил, очень любил.

Игра, хранение тайны, со временем стала для меня главной линией в жизни. Я, в каком-то смысле, перестал с тех пор жить как ребенок и начал играть, азартно, радостно и как-то совсем не по-детски. Игра ради других стала плавно заполнять мою жизнь.

Меня спонтанно наполняло невероятное счастье, которое никогда и нигде не исчезало. Мой ум стал очень ясным и не по-детски сильным, характер тоже изменился, я стал веселым, гибким, пустым, отрешенным и очень самостоятельным. Для меня исчезли взрослые как авторитет.

Моя энергия тоже изменилась — она часто сильно поднималась вверх, вызывая жар в теле, так что это начали замечать родители, поскольку меня иногда сильно «подергивало и потряхивало». Они даже обеспокоились, думая, что у меня есть какие-то нарушения, и повели меня в поликлинику на прием к врачу. Врач все списала на детскую нестабильность и порекомендовала принимать хвойные ванны, обливания и растирания грубым полотенцем.

Моя любящая и заботливая мама несколько лет подряд (!) — с семи до десяти лет старательно выполняла для меня все эти процедуры и рекомендации.

Но я был абсолютно нормален! Я был сверхнормален. Я играл, развлекался иногда тем, что, подыгрывая другим детям, специально проигрывал в футбол и другие игры.

Я менялся с ними игрушками не в свою пользу, чтобы сделать их более радостными.

Мне-то было все равно, я был счастлив и так, непоколебимо оставаясь в «Я-есть»-пространстве. Но я чувствовал, что вокруг меня есть другие «Я-есть», единые со мной, и эти другие «Я» чего-то сильно желали, хотели, стремились что-то получить. Я думал: «Почему бы не дать им это хотя бы немного, если мы все есть Одно?» А вот залезать на камень и рассказывать детям о бесконечности я перестал. Слишком уж было невыразимым, запредельным и великим то новое сознание, что открылось во мне. Слушать о нем надо было уже не детям, а взрослым, склонив головы, в вере, молчании, благоговении и тишине. Или вообще не слушать.

Я же предпочел остаться обычным играющим мудрым ребенком.

Думаю, если бы я был ребенком сейчас, в наше время, то меня бы назвали ребенком индиго. Но в то советское время для всех детей названия уже были predeterminedены...

Когда, уже став взрослым, я прочитал книгу Бхагавана Шри Раманы Махарши «Будь тем, кто ты есть», я был удивлен и восхищен ею, и описанной в ней биографией Шри Раманы. В книге в точности описывалось то, что произошло со мной в шестилетнем возрасте, хотя, может, и не так радикально, как у Шри Раманы. Но в ней не просто описывался опыт, в ней указывалось на целую традиционную философию и методологию Адвайты, которая сложилась вокруг этого опыта. Поэтому выбирать или не выбирать Адвайту как Учение — для меня вопрос не стоял. Адвайта, не спрашивая, сама уже давно выбрала меня, еще тогда, когда я был ребенком. Так что я ничего здесь не решал.

Блаженство жизни и Великая Мать

Шел 1975 год. Мне исполнилось восемь лет. Я учился во втором классе средней школы номер пять. По совету отца я записался в секцию дзюдо-самбо при стадионе «Чайка» к тренеру-чемпиону Белозерову Виктору Тихоновичу. Учился я на «хорошо» и «отлично», но вот с поведением было не очень. Моя неумная энергия приводила к постоянным шалостям, и конечно, записям в дневнике, которые я вместе со своим другом Колей умело ликвидировал с помощью разных хитрых способов. Скандалы с родителями мне были ни к чему. У нас с ним было свое особое, тайное место — ложбинка и кустарник на горке, по пути из школы к дому. Там мы закапывали вырванные из дневников страницы, исписанные красными чернилами учителей. Этих страниц там были десятки! Учителя и родители, наверное, даже не догадывались об этом, а ведь все было так просто: покупаешь новый чистый дневник, вырываешь старые страницы, разгибаешь скрепки, вставляешь новые страницы, переписываешь расписание уроков, выставляешь старые даты — и все чисто!

Дети бывают гораздо хитрее взрослых, особенно, если эти дети медитируют...

Мой дух был внутри спокоен, но моя огромная энергия искала выхода. Я пытался сам построить самолет в отцовском сарае, раз за разом, игнорируя все запреты, лазил в штольни и бомбоубежища, подземные ходы, которые были рядом с домом. Планировал отправиться в полярную экспедицию на собачьих упряжках к Северному Полюсу искать следы знаменитого полярника Руаля Амундсена. Подбивал детей утащить на ремнях из соседнего детского сада настоящий катер, поставить его на воду в море, отремонтировать, оснастить веслами и оружием (бутылками с карбидом на жгутах-катапультах), чтобы как заправские пираты выходить в море, нападать на суда, захватывать их сокровища, и складывать в пещере (что за пираты без сокровищ в пещерах?).

Мы с ребятами хотели пробраться на охраняемую ВОХР территорию радиозавода, чтобы раздобыть металлический корпус, детали, и собрать из них гигантского летающего робота, с ракетами в груди, наподобие гиг-робота из культового тогда японского мультфильма «Корабль-призрак».

Родители не уставали удивляться моей фонтанирующей, бьющей через край фантазии.

Еще я пристрастился к чтению. Читал запоем все, что было в районной детской библиотеке. Иногда книгу в шестьсот страниц я мог осилить за один вечер. После такого чтения мои опыты медитации и самадхи усиливались, стоило где-нибудь присесть или прилечь.

Я полюбил читать книги большей частью именно за это. Библиотекари меня отмечали как самого читающего ребенка в районе, и я часто получал от них призы, как лучший читатель. Они даже организовывали что-то наподобие выставок (как сейчас бы сказали, «презентаций») с моим участием, где я выступал в классах перед детьми, рассказывая о прочитанных книгах. Помню, я рассказывал о серии замечательных детских книг Александра Волкова «Волшебник изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

С момента моего первого пробуждения прошло два года. Я начал чувствовать сильные потоки энергии в своем энергетическом теле. Эти потоки, словно ручейки, двигались по каналам, вызывая необычное блаженство, тепло и покалывание во всем теле. Это блаженство пронизывало меня всякий раз во время сидения за партой в школе, ходьбы, еды, купания, чтения, игр, слушания музыки, касания чего-либо. Иногда оно вело к расширению сознания, иногда нет. Порой мой дух был един с ним, но иногда оно было как бы само по себе, а мое осознание — само по себе.

Иногда, когда я здоровался с друзьями, дотрагиваясь до них, слышался легкий треск, и они говорили, что их «било током». Все, самые обыденные вещи доставляли мне тонкое, трепетное наслаждение, до такой степени, что я терял ощущение времени и места.

Мне постоянно хотелось быть в одиночестве, чтобы танцевать, петь, шутить без всякого повода сутки напролет. Я был более чем счастлив наедине с собой. Переживая блаженство, я ничего не искал, не просил, не хотел, и был всегда в восторге. Чего искать ребенку, ум которого напоминает космос, а тело до краев полно блаженства? Только одиночества, чтобы этому никто не мешал, не отвлекал.

Это блаженство было для меня и опьяняющим божественным вином, и, одновременно, камнем преткновения, так как существовал большой соблазн зацепиться за него, забыть себя и утонуть в нем окончательно. Я постоянно непроизвольно сосредотачивался на нем, мой ум останавливался, и я поглощался им до самозабвения. Иногда мой ум пытался связать блаженство с чем-то внешним и конкретным, но моя внутренняя пустота сразу же бунтовала и быстро показывала ему, что это неверный путь. Тогда ум покорно соглашался, а блаженство открывалось бесконечному внутреннему пространству, соединялось с ним, придавая ему живость и восторг. Я был полон огромной энергии, которая буквально распирала меня. Я мог бродить ночами напролет и не уставать.

Став старше, я узнал, что в учении тантризма есть особые методы работы с энергией блаженства, когда йогин учится концентрироваться на эстетическом наслаждении — удовольствии от еды и питья (асвада-дхарана), от музыки (шabda-дхарана) и вообще на всем, что приносит удовольствие (манастушти-дхарана). Но тогда я делал это интуитивно.

Интуитивно, но как эффективно!

Это блаженство, соединяясь с внутренней пустотой день и ночь, растворяло во мне все то, что я раньше считал собой. Это растворение, известное как Лайя-йога, происходило со мной в таком раннем возрасте, поскольку я уже выполнял эти практики в прошлых воплощениях и достиг в них успеха.

Уже став взрослым, зрелым садху, я понял, что это сама Великая Мать, Вселенская сила — Шакти с детства вела, благословляла и испытывала меня через свою ананда- и хладини-шакти, энергию и силу радости, блаженства. Великая Божественная Мать, Вселенская сила всегда любила меня, оберегала и защищала. Я всегда чувствовал ее великую любовь. Это трудно объяснить. Она кормила меня как своего любимого сына, лелеяла меня. Я чувствовал ее нежные и ласковые руки всегда и везде. Ее любовь сейчас и всегда была именно материнской.

Она любит тебя беззаветно, чисто, всем сердцем, просто за то, что ты есть, не рассуждая и не осуждая. А если кто посмеет обижать ее любимое дитя, она, как любая мать, не рассуждая, не разбираясь, немедленно встанет на защиту своего ребенка, готовая испепелить обидчика своим ужасающим материнским гневом. Я неоднократно убеждался в этом — Великая Божественная Мать всегда берегла и защищала меня. Она делает это и сейчас.

Свою земную мать я тоже рассматривал, как проявление этой беззаветно любящей Вселенской Матери. Любовь и благословение Великой Матери пронизывает всю мою жизнь, но ее пробуждение началось в те годы.

Меня все больше и больше тянуло к юродству, бродяжничеству, отшельничеству, отказу от всего, что есть в обществе, от всех его норм, понятий и правил. Я не хотел быть «как люди».

Каким-то образом на фоне огромного блаженства я ухитрился не терять то ощущение пространства «Я-есмы», чувство вселенского, космического присутствия и осознанности, которое всегда учило меня изнутри. Оно учило меня гибкости, внимательности, чуткости,

тонкости. Слушая это пространство, доверяя ему, я сохранял адекватность, ясность и гибкость, переживая блаженство. Я не позволял себе теряться в нем и «наркоманить».

Так, сам того не зная, я преодолел первую ловушку, ждущую йоги на пути к Освобождению, — блаженство.

Мое блаженство подчинилось моей внутренней пустоте и стало единым с ней. По мере растворения мой детский ум школьника второго класса все больше анализировал жизнь, задавая себе вопросы:

Что есть Бог?

Что есть Мир?

Что есть общество?

Что есть авторитет взрослых?

Что есть смысл бытия?

Что есть культура, традиция, общественные ценности, этика и мораль — для того, кто пробудился к высшему «Я»?

Моя внутренняя пустота давно уже знала все ответы на эти вопросы, просто она не формулировала их ясно и четко, пока ум не спрашивал конкретно. Это сны во сне.

Я знал: переживи любой взрослый хотя бы одну пятую моих опытов, от его мнений и убеждений не осталось бы и следа.

Я больше не спал, бодрствуя двадцать четыре часа в сутки, и мне не нужны были мнения спящих людей. То божественное, что пробудилось во мне, само себе было ценностью, мнением, моралью, этикой. Я не мог не следовать этому божественному, не мог не следовать самому себе. Я не мыслил себя отдельным от божественного.

Все иллюзии общества, его пионерско-коммунистической культуры, светской этики и традиционной родительской морали покинули меня, и я больше не надеялся на них. Авторитет родителей, учителей, книг, да что говорить, всего внешнего мира — померк перед переживанием этого великого «Я-есмы». День и ночь я был поглощен этим Всевышним «Я».

Мой дух был свободен, я был полон счастья, и меня постоянно посещали мысли: зачем мне общество и его цели? Все равно это никому не объяснить — так думал я.

Одиночество, уединение на вершинах духа, утрата всяких надежд на мало-мальское понимание со стороны окружающих светских людей — вот судьба любого садху. Это — неизбежная плата за пробуждение. Я понял это слишком рано.

Я готов был заплатить эту плату, и даже гораздо, гораздо более превосходящую, за то, чтобы быть тем, кем я был.

Статуи на берегу моря

Мое детство проходило на Черном море, под шум прибоя морских волн и молчание скал. Как только начинался купальный сезон, мы с друзьями не вылезали из воды, пока не наступала осень. Особенно любили пляж, который называли «Скалки». Он так назывался, потому что там не было ни песка, ни топчанов, ни удобных мест для отдыха приезжих. Были лишь скалы, камни, поросшие водорослями, гроты, в которых плескались волны, и галька. Этот пляж всегда был безлюдным, да и вообще это не был пляж, а просто скалистый берег моря. Я мог сидеть на нем часами и даже днями.

Мне так понравилось это место, что я начал бегать по утрам к этим скалам. Родители считали, что я делаю утреннюю пробежку, и я действительно бегал в спортивном костюме, но я просто бежал к этим скалам и волнам, чтобы посидеть рядом с ними, как будто ожидал от них какое-то послание. И однажды это послание пришло.

Придя как-то раз на берег и выбрав место для сидения, я увидел справа от себя, метрах в пятидесяти целую группу из больших странных камней, которых еще сутки назад здесь не было. Присмотревшись получше, я пришел в изумление — это были не камни, а большие трех-пятиметровые каменные статуи, которые стояли как ни в чем ни бывало на берегу моря. Вот — человек, стоящий на одной ноге в странной позе, а вот — женщина, сидящая на земле, подогнув одну ногу, вот — гигантская рыба, застывшая у воды...

Статуй было более десяти, мне не пришло в голову их пересчитать. Откуда они взялись здесь? Кто их мог сделать? Может, какой-то скульптор вытесал их из камня за одну ночь? Может, кто-то привез их из музея? Но я понимал, что это невозможно. На них были водоросли, словно статуи находились здесь сотни лет. Они были гигантскими. Я хоть и был ребенком, школьником, но мыслил абсолютно трезво и логично. То, что я видел своими глазами, было по меркам нашего мира невероятным, невозможным. Но оно было прямо перед моими глазами!

Мой ум отказался анализировать, я просто принял это, как будто так и должно быть — без раздумий. Просто сидел и смотрел на статуи...

После этого случая я долго не ходил в это место, а когда пришел снова, то статуй больше не было. Они исчезли.

Море, скалы и камни передали мне свое послание, и я его получил. Я не мог выбросить из головы эти статуи на берегу лет десять. Уже повзрослев, несколько лет подряд я снова и снова приходил в это место, пытаюсь обнаружить хоть какие-то следы этих статуй. Но ничего не было. Осталась лишь моя память, которая хранит это более тридцати лет, как самое удивительное событие в жизни.

Отстранение от мира.

Место силы. Самадхи

Заканчивался 1980 год. Мне шел тринадцатый год. Только что в СССР прошла грандиозная Олимпиада «Москва-80». Ее закрытие проходило с большой помпой и произвело впечатление на всех взрослых, кого я знал.

Родители к тому времени наконец-то получили новую квартиру в новом строящемся районе, как его называли «Остряки». Чтобы ее получить отец стоял на очереди десять лет, затем писал письмо на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, поскольку был секретарем партийной организации воинской части и записывался на прием к командующему флотом. За то, что он записывался на прием к командующему без ведома начальства он, как военный, даже получил от командования воинской части дисциплинарное взыскание — несколько суток гауптвахты. Я часто слышал разговоры отца и матери об этом. Несколько лет это было целой «политической» проблемой в нашей семье.

Наконец-то эти мытарства закончились, и отец получил долгожданный ордер на квартиру. Мы начали переезд.

По нашим с сестрой детским меркам, квартира была большой, шикарной — три комнаты, целых сорок девять квадратных метров! Переехав, пока не было мебели, мы часто играли в футбол в большой комнате.

Этот переезд каким-то образом повлиял на мою дальнейшую судьбу.

Квартира находилась на девятом этаже девятиэтажного дома. Мало того, что эти дома располагались крестом, этот крестообразный дом находился на самой высокой точке города — на вершине большого холма. С этого места весь город был виден как на ладони.

Я много раз проверял свои предположения, наблюдая это место с разных ракурсов, и убеждался, что это так. Мы переместились жить на самую высокую точку в городе!

По моим ощущениям, это определено было «место силы». Простое пребывание в этом месте было для меня медитацией. Моя медитация резко пошла вверх. Я переживал медитативные опыты обычно под вечер или перед сном, причем без всякого труда. Позже я узнал, что такие опыты ищут многие духовные искатели, усердно прилагая усилия, но мне было достаточно в то время удобно устроиться на кровати в детской комнате — и все происходило само собой.

Я утрачивал ощущение тела и погружался в нирвикальпа-самадхи за пределы этого мира. Тогда я не знал даже этих слов, я только понимал, что со мной происходит нечто великое, не вписывающееся в картину мира обычных людей, то, что никто не знает и не понимает. Я переживал такие невероятные измерения за пределами имени и формы, которым и сейчас могли бы позавидовать многие хорошие йоги, живущие в пещерах. Эти переживания полностью перевернули мою жизнь и растворили мое эго.

Я чувствовал себя бесконечно одиноким, у меня исчезли друзья, человеческие цели в жизни, я утратил всякий интерес к играм со сверстниками, учебе, тем целям и ролям в жизни, которые мне подыскивали родители. Мои сверстники по играм и одноклассники подрастали, они начинали активно интересоваться модными вещами, девушками, автомобилями и с энтузиазмом строили планы на будущее, мечтая, как они будут учиться в вузах, создавать семьи, устраиваться на работу. Помню, в то время среди них считалось престижным плавать на кораблях дальнего плавания за границу.

Они собирались и ходили на дискотеки, на футбол, посещали пивные бары, воображая себя взрослыми. Я же наоборот, все больше и больше отстранялся от любых связей и отношений. Я остро чувствовал иллюзорность, фальшь и бесполезность всего этого, зная, что те переживания, которые были у меня внутри, не оставят камня на камне от всех человеческих планов и ценностей. Я четко понял, что пути и ценности мира людей не являются моими путями и ценностями.

Мое окружение тоже изменилось. Я дистанцировался почти от всех друзей и одноклассников, так как наши ценности и цели в жизни стали сильно отличаться. Я бродил без цели и без единой мысли один по городу и чувствовал себя полностью удовлетворенным.

К тому времени моя медитация стала естественной, я постоянно медитировал даже на уроках в школе, сидя за партой, так, что даже не ощущал своего тела. Мне не нужно было прикладывать усилий к медитации. Я был в Том. То просто накрывало меня, подхватывало и уносило, а я не сопротивлялся этому.

Затем, когда медитация заканчивалась, жил, сохраняя это ощущение, где бы я ни был. Это было невероятное, радостное и легкое ощущение, фонтанирующий азарт, игра, когда ты знаешь, что все нереально и подобно сну, тебя нет, нет других, но все чудесным образом проявляется.

Иногда, сидя на занятиях в школе, я расслаблялся и смотрел в пространство, по телу поднимался сильный огонь, сопровождающийся покалыванием и блаженством, а затем наступало сильное расширение сознания.

Я сидел в классе, сосредоточившись на одной точке, не слышал голоса преподавателя и не осознавал, что происходит вокруг. Из-за этого одноклассники стали странно смотреть на меня, так как я, по их мнению, был довольно странным. Так оно на самом деле и было. Я был настолько отстраненным, что это бросалось в глаза всем окружающим. Но меня это мало волновало. Их маленькие цели и проблемы мне казались смешными. Тем не менее, все понимали, что я каким-то странным образом, знаю нечто, что не известно им, и уважали меня. Иногда, когда одноклассникам нужно было решить какой-то вопрос с учителями, классным руководителем или даже директором, они подходили ко мне за советом.

Я сохранил адекватность в таком возрасте только потому, что уже и так чувствовал свою внутреннюю неадекватность, и имел некоторый опыт самодостаточности, отрешения от мира, игры с миром и другими людьми. Я хорошо и ясно провел для себя границу между собой и своими опытами, всеми людьми и остальным миром. И никогда не нарушал ее.

Я даже написал небольшой рассказ с собой в главной роли, где описал это положение.

Там были такие строки, я их помню даже сейчас:

«Он был довольно молод, но чувствовал, будто ему тысяча лет. Еще с самого детства он понял, что его не интересует то, чем живут окружающие люди. Эта черта между ним и людьми была проведена им самим очень давно, без особых раздумий, страхов и колебаний.

Никаких мук непонимания, выяснений отношений, конфликтов с людьми у него никогда не было. Просто он однажды принял это для себя как естественный факт. Как принимают свой цвет глаз или волос, или дождь на улице — без комментариев.

Факт, что люди это люди, а он — другой. У них своя жизнь, у него — своя. Возможно, он тоже — человек (скорее всего, так и есть), но какой-то другой, космический, неземной, с другими генами что ли.

Эта инаковость была настолько вопиющей для него самого, что он думать не мог о том, чтобы обсуждать ее с кем-нибудь из родных или знакомых.

Ему гораздо проще было ее скрывать, тщательно маскировать под маской обычности, мечтательности или даже рубахи-парня, весельчака, закадычного друга, службиста, делающего карьеру или всеобщего любимца. Да мало ли масок и ролей существует в мире! Одно он хорошо знал: живя среди людей, надо жить как люди, уметь говорить как люди и делать вид, будто тебе интересно то, что и людям. Никогда и ни при каких обстоятельствах не следует выдавать себя, так как неизвестно, чем это может закончиться...»

Чтобы хоть как-то намекнуть людям на эту реальность, в которой я непрерывно находился днями и ночами, я продолжал писать фантастические рассказы. Это было для меня отдушиной, я их больше никуда не отправлял. Я просто читал их одноклассникам, чтобы хоть как-то повлиять на их сознание, пробудить его, показать, что в этом мире есть нечто великое, запредельное, таинственное, необычное, волшебное, божественное, то, что выходит за наши человеческие представления. Но это лишь еще больше убедило одноклассников во мнении, что я довольно странный человек.

Юность. Космос. Любовь

Шла зима 1983 года. Мне уже исполнилось пятнадцать лет, и я учился в девятом классе. Внешне казалось, что жизнь идет своим чередом. Я со своим закадычным другом Стасом из соседнего дома посещал секцию каратэ в спортклубе КЧФ. Тренировки были

изнурительными, зато после них наступало сильное расслабление, и медитация шла очень хорошо.

В свободное время мы тренировались самостоятельно, слушали музыку — «Спэйс», «PFT», «Зодиак», которая в то время была атрибутом «космической» молодежи вроде нас, кем мы себя реально считали.

Родители все чаще заводили разговоры со мной на кухне о моем будущем. Смысл всех разговоров сводился к одному: надо поступать в ВУЗ, неважно в какой, лишь бы получить высшее образование, а там, глядишь, я поумнею и сам разберусь в жизни.

Мне было совершенно все равно. Я был до краев наполнен медитацией и мне были смешны все светские планы родителей, которые хотели меня получше устроить в жизни, чтобы все было «как у людей». Я-то как раз совсем не хотел, чтобы у меня все было, как у людей. Я был сам по себе, и мещанское людское счастье с его ценностями меня вовсе не прельщало. Очевидно, моя старая привычка с детства все сглаживать, быть «вещью в себе», по выражению моего друга, не идти на открытый конфликт, не показывать свои убеждения, а, наоборот, тщательно маскироваться, прятать и скрывать себя, играть ту роль, в которой хотели бы меня видеть другие, сработала не в мою пользу. Я отмалчивался, говорил, что, в общем, я вроде бы и не против, а сам думал, как мне поскорее улететь на другую планету или по крайней мере стать монахом, чтобы меня никто не трогал до конца жизни.

Мои любящие родители искренне считали, что я — просто несмышленный подросток, еще не имеющий своих убеждений, и хотели помочь мне выйти в люди, стать счастливым в их понимании.

Родительская любовь... Она всегда грела и окутывала меня. Даже когда я сам внутри был холоден, как ночное звездное небо. Я всегда буду благодарен родителям за все, что они сделали для меня. Но внутри я никогда не слушал их, потому что у меня было знание, которого не было ни у них, ни у моих сверстников, ни у школьных учителей, ни у тех, кого я знал в своей жизни.

Знание чего? Знание Истины.

Того, что я не есть тело и ум, что я на самом деле — есть бесконечный космический разум, полный света.

Родители настаивали, что я должен учиться, а я не мог и не хотел ничего объяснять. Чтобы хоть как-то успокоить отца и мать, я записался на вечерние подготовительные курсы для поступающих в ВУЗы при СПИ — Севастопольском приборостроительном институте, сделал вид, будто собираюсь туда поступать. Курсы были ужасно нудными — математика, физика, геометрия, литература. Я неплохо учился в школе, но чтобы терпеть это и после дневных занятий, зная, что все равно это не мое, нужно было много смирения. Я просто сидел за партой, глядя в пространство и медитировал, как обычно. Это я умел делать в совершенстве еще с четвертого класса. В конце концов — медитировать в школе, дома или в двести шестой аудитории института, в который ты не собираешься поступать — какая разница?

Школа, секция каратэ, лекции в двести шестой аудитории СПИ на улице Гоголя — вот и все, из чего тогда состояла моя внешняя жизнь.

А внутри... Кроме медитации я рисовал на полях тетрадей вместо формул неземные пейзажи других планет, писал фантастические рассказы и тайком от родителей месяцами вынашивал «тайные планы», как же мне покинуть эту «мирскую суету», стать отрешенным отшельником. Да так, чтобы вокруг этого никто не заметил и не мог помешать мне! Время-то было еще то — коммунистическо-материалистическо-атеистическое.

Мои родители были сторонниками «строгого воспитания», и «правильной жизни», все это было так характерно для их сурового послевоенного поколения. Даже за одни разговоры на

такие темы неизвестно что могло бы быть. Я не любил конфликтов, не хотел никому причинять страданий, а просто стремился жить так, как хотел — быть всегда, день и ночь в том Божественном, что открылось мне, и продолжать медитировать. Жить всегда одному, наедине с Истиной. Но для этого надо было покинуть ту среду, в которой я тогда жил.

Вопрос о выборе будущего, своих ценностей, привязанностях, для меня как таковой вообще не стоял. «У инопланетян привязанностей к земному не бывает» — так иногда я шутил про себя.

Психологически, внутри, я уже давным-давно покинул мир, еще в детстве. Мои ценности, мой смысл бытия и цели в жизни уже давно и твердо сформировались лет в десять-тринадцать, вот только путей их воплощения я тогда не видел по своей молодости. Стоял вопрос, как сделать это практически, внешне, и сделать аккуратно, тихо, не привлекая к себе внимания.

У меня были следующие варианты: поступить в летное училище, затем попасть в отряд космонавтов и стать исследователем глубокого космоса. Возможно, наивно тогда думал я, мне удастся найти подходящую планету и спокойно, «официально» поселиться на ней вдали от людей. Смешно? Но в пятнадцать лет мы вполне можем себе позволить такие мечты.

Другой вариант: просто исчезнуть для всех надолго, уехать куда-нибудь, так, чтобы никто меня не нашел. Но я был слишком неопытен и к тому же не мог так неблагодарно поступить с родителями.

Мои опыты медитации не потускнели, а наоборот, казалось, достигли апогея. Я жил «со свистом в ушах» и «ветром в лицо». Мое сознание просто захватывалось той жгучей тайной, черной, холодной и необъятной бездной моего внутреннего «Я». Я смотрел в телескоп на Луну и звезды, рассматривал чертежи космических кораблей, листал справочники о других планетах и читал фантастов. Я любил космос, бредил им, мечтал сбежать с Земли в его черную, безбрежную бездну. Потому что космическая бездна снаружи была примерно тем же, что я испытывал внутри. Она была мною. Между нами не было разницы. Только она могла говорить со мной на равных.

Однако, был еще один небольшой нерешенный, но важный вопрос: я реально не понимал, что такое любовь, так, как это чувствуют люди. Примерно так, как не понимает человек с другой планеты.

У меня и в мыслях не было заводить семью или искать подругу, как это уже вовсю начали делать мои одноклассники. Но было настоящее любопытство, и этот знак вопроса стоял в моем уме несколько лет.

Однажды этот знак вопроса вылился в случайное знакомство с девочкой из соседнего дома. Мне было пятнадцать, ей — тринадцать, она жила на пятом этаже, а ее дом примыкал боком к моему. Романтика, прямо как в кино.

Познакомились мы случайно: кто-то с крыши кидал в нас (в меня и моего друга) шишками, когда мы тренировались во дворе, отрабатывая ката — домашнее задание нашего тренера по каратэ. Как-никак, мы себя считали «королями двора», а здесь такое!

Мы увидели кого-то на крыше девятиэтажного дома, и, быстро забежав в подъезд, поднялись на лифте, вышли через вход на крышу и настигли «террористов». Я помню даже, как в шутку крикнул, чтобы напугать хулиганов: «Так, всем стоять!»

Там, на крыше, была белокурая красивая девушка лет тринадцати, она была невысокого роста, а с ней девочка лет десяти, ее младшая сестра. Девушку звали Лена, а ее сестру — Вика. Она нас не испугалась, к тому же была хорошо воспитана и оказалась очень бойкой на язык. Лена сразу сделала мне замечание, как надо правильно разговаривать с «юными леди».

Через некоторое время я, по ее приглашению, пришел к ней в гости и познакомился с ее родителями. Меня, к моему удивлению, очень тепло встретили. Я стал с ней встречаться. Отец Лены оказался офицером морской авиации в чине капитана первого ранга, кажется, он служил в штабе.

Иногда мы уходили вместе, держась за руки, за черту города, в балку, которая начиналась сразу за домами. В ее присутствии мой ум останавливался, я чувствовал как моя сердечная чакра буквально «плавится», а медитация еще больше усиливается. Возникало сильное блаженство, которое, однако, не затмевало мою медитацию, а приносило в нее новый вкус. Я словно немел, уходя глубоко-глубоко в себя.

Мы просто гуляли, держась за руки, иногда разговаривали. Ничего больше. Никаких планов на будущее. Этого было достаточно.

Однажды вечером, когда перед уходом домой мы обнялись на прощание, я вошел в очень глубокую медитацию, и мое сознание расширилось так, что я не мог двигаться, потому что все ветры собрались в центральном канале. Теперь я понял, что такое любовь, о которой так много говорили люди. Любовь — это очень мощная медитация. Это то же самое, что у меня всегда было внутри.

Любовь — это божественное в каждом из нас. Влюбляясь, мы медитируем. Но нам не удается сохранить эту медитацию, потому что мы ложно считаем, что причина любви не внутри нас самих, а снаружи.

Мой ум получил ответ на свой вопрос и больше никогда не думал об этом и не возвращался к этому. Девушка ушла домой, а моя любовь осталась со мной, внутри, и больше не искала ничего снаружи.

Наши встречи сошли на нет после того вечера. В них больше не было смысла. Я понял то, что хотел понять. С тех пор даже слабая мысль о привязанности к другому не могла возникнуть в моем уме. Все есть во мне, внутри, чего же еще искать снаружи?

Моя любовь не исчезла, напротив, расцвела и расширилась, просто она перестала быть зависимой от внешнего. Мы привязываемся к телу, облику, душе другого человека, вместо того, чтобы идти глубже, внутрь себя. Мы хотим сохранить любимого человека, чтобы он всегда был с нами рядом. Для этого мы стремимся его контролировать, цепляемся за него и пытаемся им управлять. Все это, в конце концов, убивает любовь. Но любовь можно сохранить навечно, если давать ей свободу. Не связывать и не ограничивать ее ничем.

Ничем не ограниченная Вселенная с ее бесконечным космосом, звездами и галактиками была для меня олицетворением такой свободной, несвязанной ничем любви — любви к Божественному, к Богу. Я хорошо понимал, что ни за что не променяю ее на маленькую, человеческую, «земную» любовь.

Жизнь и служба в Киевском высшем военно-морском политическом училище

Шло лето 1987 года. Я заканчивал третий курс КВВМПУ. Мне шел двадцатый год.

Я учился, нес, как и положено курсантам, наряды на камбузе, во внутреннем и гарнизонном карауле, вестовым в столовой, дневальным по роте. Работал в городе на постоянных выделениях на работы по воскресеньям. Еще я занимался на турнике, качался,

продолжал занятия каратэ в спортгородке, ротной сушилке и спортзале. Выполнял дыхательные упражнения, немного цигун и, разумеется, всегда и везде продолжал свою медитацию.

Я был на хорошем счету у начальства, так как никогда не ссорился, не шел на конфликт, не нарушал правила дисциплины, и вообще был покладистым, в отличие от многих.

Курсанты, молодые и горячие парни конфликтовали между собой и младшими командирами постоянно. Лишь однажды за эти три года я вмешался в конфликт в классе и приструнил нашего горластого командира-начальника, старшину класса — старшину второй статьи Стригунова, просто пристально взглянув ему в глаза и спросив:

— А чего ты так кричишь?

Он замолчал, удивленно покрутил головой и успокоился под моим взглядом, не найдя что ответить.

Между тем в умах людей понемногу начинал дуть свежий ветер перемен. Наступала эпоха перестройки. Михаил Горбачев провозгласил курс на ускорение, затем на перестройку, демократию, гласность в стране и новое мышление. У советских людей пробуждалось сознание чего-то нового. Что-то неуловимо, неотвратимо менялось на наших глазах. Каждый вечер мы собирались в ротном помещении и смотрели передачу «Прожектор перестройки». В кругу курсантов активно обсуждались острые статьи в прессе и книги, разоблачающие сталинизм и проблемы советского общества. Мир менялся, но непонятно было, в какую сторону.

Начиная с третьего курса я почти полностью забросил учебу по причине отсутствия хоть какого-то интереса. Ну в самом деле, зачем мне было изучать диалектический материализм, научный коммунизм, философию марксизма-ленинизма, социалистическую политэкономия и оружие массового поражения? Военная психология, военная история еще вызывали во мне хоть какой-то какой отклик. Благодаря привычке с детства много читать, общей эрудиции и высокому интеллекту, я, не учась, без труда все запоминал, и сдавал все зачеты и экзамены на «хорошо» и «отлично». Конечно, я реально сидел в учебных аудиториях, деваться-то некуда, но занимался, как обычно, своими делами, никому не мешая. Медитировал, глядя в пространство перед собой, так, что останавливалось дыхание, или читал литературных классиков — Куприна, Бальзака.

Я много времени проводил в училищной библиотеке, а затем и дома, в курсантских отпусках, в библиотеке им. Л. Толстого, изучая философию Платона, Канта, Гегеля, Вольтера, Шопенгауэра, Фрейда, Фромма, Ницше, Шестова, Кьеркегора, Спинозу, Хайдеггера, экзистенциалистов, не забывая и русских космистов — Бердяева, Лосева, Розанова, Федорова, и, конечно, знаменитые труды Радхакришнана и Вивекананды по философии Веданты. Благо библиотека в училище была всегда на высоте. Начальство в целом заботилось о нашем культурном и интеллектуальном уровне, на третьем курсе поощрялись увольнения — коллективные походы в театры, музеи, которых в Киеве было немало.

Хоть мы и считались старшим, третьим курсом, дисциплина в роте и батальоне была весьма строгой, и это многим давило на нервы, ведь курсанты — обычные молодые люди, полные желаний, эгоизма, амбиций и иллюзий, но только в погонах. Трудна была не учеба, а сам подход к жизни и учебе, который пронизывал все. Проверки, проверки, инструктажи, наряды...

Создавалось впечатление, будто начальники своим излишним рвением искусственно создают нам трудности на каждом шагу, чтобы мы не расслаблялись. Мы шутили и даже придумали поговорки на эту тему: «Чтобы жизнь курсанту раем не казалась», «Чем угодно заниматься — лишь бы забодаться». Переделали даже фразу из статьи Ленина: «Учиться

настоящему делу военным образом». Это у многих вызывало смех, иногда — протест, но только внутренний.

Поговаривали, что все это потому, что нас в этом году ждет комплексная министерская проверка из Москвы, а наш комбат ожидает новую звезду на погоны и по этой причине очень требователен к ротным в плане дисциплины. А те, в свою очередь, не слезают с младших командиров, а последним, понятно, деваться некуда, они и требуют от нас. Да, что говорить, наш третий курс был в том году объявлен лучшим в училище, а внутри курса мы были лучшей ротой! Таким образом, наша рота была лучшей во всем училище. Но, мы-то знали, чего это нам стоило — быть лучшими. Это стоило многих бессонных ночей, десятков пропущенных увольнений, постоянных разборок, замечаний, инструктажей, ночных и дневных проверок в кубриках, бесчисленных «больших сборов» к месту и не к месту, бесед на комсомольских собраниях и партактивах, не злых, но сильных глухих упреков в сторону младших командиров и офицеров, и, разумеется, кучи нервов.

Если вы лучшие, то это означает, что от вас постоянно ждут, что вы будете лучшими всегда и везде, за вами наблюдают, вас оценивают, и вам от этого никуда не деться.

Тем не менее, мы даже гордились, что мы — лучшие. Ругались иногда между собой, но и гордились одновременно. Все воспринимали жесткую дисциплину как неизбежность, необходимость, пусть все это и надоело, но так надо. Это военная служба, все знали, куда шли. В конце концов, мы сами сделали свой выбор, а выбор предполагает ответственность.

Моя служба в военном училище проходила легко по причине легкости характера, моей отстраненности, самодостаточности и невовлеченности во все происходящее. Она не ухудшила мою медитацию, напротив, многие переживания углубились именно благодаря аскезе, дисциплине, трудностям и тяготам курсантской жизни. Поэтому я даже благодарен тому, что мне удалось пройти. Я, как и в школе, был тихим «юродивым-хорошистом», который «сам себе на уме». Вернее, на природе ума.

Я привык играть, как обычно утаивая себя, делать, не делая, стремиться, не стремясь, действовать без надежды и страха. Научился хорошо соединять медитацию с жизнью и в совершенстве гибко играть свою роль. Здесь я никому не казался странным, как это было в школе. Это «юродство», наоборот, стало моей естественной натурой. Благодаря ему я всегда был полон огромной внутренней силы, блаженства и отрешения одновременно.

Одиночество, тайна, сокрытие своих опытов, взглядов и убеждений, создание нужных ролей, игра, игра...

На что еще я мог рассчитывать в советской стране с коммунистической культурой, в коммунистическом училище, когда за каждым из нас внимательно и чутко «присматривали» не только свои отцы-командиры, но и партия с ее многочисленными комсоргами, парторганами, замполитами, секретарями, парткомитетами и парткомиссиями?

Кроме этого, все мы хорошо знали, что за нами еще присматривают и особисты, которые, конечно, были в каждом училище и незримо делали свою работу. У нас была даже такая поговорка: «Скорость стука распространяется быстрее скорости звука», что означало примерно следующее: не болтай лишнего; знай: что, где и с кем — можно, а что — нельзя обсуждать, если хочешь сохранить свою карьеру. Такое было время. За «неправильные разговоры» вместо погон лейтенанта и диплома можно было вполне получить погоны матроса и перспективу дослуживать в них на ЧФ.

На третьем курсе уменьшилось число нарядов, работ, и нас стали чаще выпускать в город по выходным. Для многих моих одноклассников настали «веселые дни». Некоторые обзаводились семьями, некоторые развлекались так, как только могут это делать курсанты.

Меня, как принято, звали на всевозможные сабантуи, вечеринки, дискотеки, я с удовольствием соглашался и... не приходил.

Я часто сознательно пропускал увольнения под предлогом, что мне надо выспаться.

В самом деле я ложился в кровать в пустом кубрике, но не для того чтобы поспать — я погружался в медитацию и самадхи. Это было единственное законное время, когда можно было уединиться и медитировать. Я ложился, расслаблялся, как обычно, поднимал энергию, проходил через грохот звуков нада, погружался в неясное состояние на миг, терял чувствительность тела, и выскальзывал из него, чтобы побродить в тонких мирах или полетать, попутешествовать по городу.

Мои развлечения были куда более захватывающими!

Когда нас отпускали город в увольнение, я большую часть времени проводил один.

Одиночество, уединение, ходьба в созерцании по городу — стали моим обычным состоянием. Я бродил целыми днями по Киеву, так же как это было в детстве в Севастополе. Как обычно, исследовал силовые линии и места, иногда встречался с их хранителями и наблюдателями. В Киеве их было гораздо больше, и они были сильнее.

Часто я заходил в кафе, кино, музеи и выставки, просто чтобы согреться, поесть, посидеть и продолжить свой путь в блаженстве.

Особенно мне полюбился Андреевский спуск. Там постоянно тусовались с выставками художники-сюрреалисты, с которыми я сошелся, так как у нас было нечто общее. Я вообще всегда любил андеграунд, это как раз то, чем был и я сам. Ведь сам я всегда находился в глубоком экзистенциальном андеграунде, хоть на мне и была военная форма. Я стал часто посещать выставки художников-сюрреалистов, абстракционистов, абсурдистов, примитивистов «митьков», молодежные мини-театры абсурда, хэппенинга, боди-арт выставки, которые тогда уже всю расцветали. Дали, Малевич, Кандинский, Серебряков всегда вдохновляли меня, но только не Пикассо.

Моей любимой музыкой тогда, кроме космических тем, был «Желтый звук» Альфреда Шнитке. Все, чего не понимали «люди мира сего», притягивало меня.

Помню, однажды, зайдя на одну такую выставку, я увидел толпу людей, которые что-то слушали и обсуждали. Я подошел поближе. Подиум, арка, колонны. Белый рояль. На нем — стакан водки, на стакане — кусок хлеба и огурец. За роялем — человек в одних трусах. Глядя ввысь, он вдохновенно играет «Лунную сонату» Бетховена. Абсурд земного бытия!

Все мы — актеры в этом театре абсурда. Мы — боги, играющие роли людей. Как же мне все это было близко!

Вся моя жизнь была такой же игрой абсурда. Я был един с Богом... в шинели курсанта третьего курса военно-морского училища.

Мы, будучи бесконечным единым разумом, живем как ограниченные существа, полностью захватившись иллюзией этого мира. Разве это не абсурд?

Я был всем, все было во мне. Мне ничего не было нужно, и никто не был нужен.

Весь мир был един со мной. Я был неопределимо, невероятно счастлив, переполнен божественным! И всю юродствовал в душе через эту любовь к «сюру», но разве можно было это хоть кому-то объяснить?

Некоторые курсанты-однокурсники, активисты-коммунисты даже упрекали меня за это, говоря, что мне всегда все равно. Особенно после того, как я отклонил свою кандидатуру на выборах на должность секретаря партбюро класса. Разве мог я им внятно объяснить, кто я такой и что здесь делаю?

Нет, мне было далеко не все равно, я внутри был полон до краев благословением того божественного, что всегда было со мной, того недвойственного абсурда бытия, юродства,

веры, магии, гармонии, любви, медитации, непостижимости, но это никак не вписывалось в окружающую реальность. Я был человеком из другой культуры, или даже планеты, и не знал пока, как все это выразить, не нарушая принятых правил и гармонии.

Это ощущение абсурда бытия вылилось в то, что я начал сам для себя писать небольшие научно-философские статьи, и решил серьезно заняться научной работой на кафедре военной психологии и педагогики (ВПП) по теме «Нестандартные психологические ситуации и их роль в формировании эмоционально-волевой устойчивости». Это же ощущение стало притягивать в мою жизнь странных, парадоксальных людей, которые мне попадались в увольнениях и отпусках. Среди них была женщина, контактирующая с инопланетянами, маги, колдуны, экстрасенсы, художники-абсурдисты.

Понемногу я приобщался к магической стороне жизни социума. Я уже давно не искал свой путь, но активно искал способ и язык, которым мог бы его выразить для мира. Но пока, увы, не находил. Мне оставалось лишь, как обычно, все маскировать, скрывать, наглухо прятать, вуалировать, шифровать двойными, тройными смыслами, и этим, надо сказать, я овладел в совершенстве.

Такова жизнь. Люди — это люди, садху — это садху. Садху должен маскировать себя, чтобы не иметь проблем в общении с людьми. Это — закон.

Все происходящее было для меня лилой — азартной игрой ради других, которую я, однако, принял полностью. У меня, конечно, даже во сне не было амбиций сделать карьеру военного. Я жил как умел, среди молодых ребят, так, как мне позволяли обстоятельства моей жизни.

Отец иногда говорил, что я просто «отбивал номер», поскольку дал обещание родителям получить высшее образование и офицерское звание, и должен был его сдержать во что бы то ни стало. Обещания надо выполнять. Рама, царский принц, чтобы исполнить обещание, безропотно удалился на двенадцать лет в изгнание в джунгли и жил отшельником, принимая свою судьбу.

Я честно играл ту роль, которую выбрал, и старался играть ее достойно. Это была не моя роль, это был не мой мир, но сейчас это был мой выбор. Коль я принял его как испытание, свою практику, и дал обещание, я честно и искренне выполнял все, что от меня требовалось. Это была моя карма-йога.

Я очень спокойно переносил так называемые тяготы воинской службы. Я просто был садху, и для меня это было игрой, имитацией, исполнением роли. Живешь среди людей — делай вид, что ты человек.

Медитация набрала силу, стала естественной и по-настоящему соединилась с жизнью.

Мой дух был пробужден, сердце пусто, у меня не было ни надежд, ни планов. Я учился, но не тому, как стать будущим офицером, а тому, как хорошо играть роли в мире людей.

Я учился языку людей, который я пока знал плохо. Мне было, что сказать людям, но их языком я пока не владел в совершенстве. Я наблюдал, был свидетелем происходящего, жил целиком в своем духовном мире, и изображал из себя именно того, кого нужно. А этому я очень хорошо научился с самого детства.

Я плыл по течению своей кармы, играл с ней и спокойно шел к своей цели.

Как я впервые встретил
своего коренного Гуру

Шел 1987 год. Примерно в девятнадцатилетнем возрасте, на третьем курсе, я почувствовал себя на пике энергетической формы. Это проявилось в том, что я начал слышать громкие внутренние звуки — анахата-нада. Они возникали и раньше, еще в детстве, но сейчас эти звуки стали просто оглушающими. Они постоянно сопровождали меня, где бы я ни был, иногда даже заглушая окружающую реальность, так, что мне с усилием воли приходилось вслушиваться в то, что говорят люди.

Звук в правом ухе напоминал гудение трансформатора, в левом — попискивание, наподобие азбуки Морзе. Иногда гудение в правом ухе переходило в жужжание, а попискивание в левом — в мелодию. Это было знаком начала самадхи или появления рядом какого-либо высокого сверхсущества.

Звуки стали частью моей жизни, но я не особо беспокоился о них, зная, что так все и должно быть. Эти внутренние звуки, казалось, пронизывали весь мир, любой внешний звук инициировал их запуск.

Лежа, сосредотачиваясь на этих звуках и входя в тонкое тело, я любил улетать в необыкновенные миры, наподобие узорчатой парчи. Мое дыхание замедлялось, а затем останавливалось. Я двигался вслед за звуками по узорам этой парчи, которые вели в иные измерения. Путешествуя по ним, я открывал все более глубокие тайны мироздания. По возвращении зарисовывал неземные узоры и миры, которые видел в этих путешествиях.

У меня скопилось несколько сотен таких рисунков.

Впервые со звуком анахата-нада я столкнулся в своей практике много лет назад, в детстве, занимаясь медитацией в позе лежа. Звуки нада внезапно возникали в обоих ушах и слышались даже во время ходьбы по улице. В левом ухе слышалось постоянное попискивание, которое при сосредоточении на нем нарастало до громоподобных ударов колокола, обладающих резонансными переливами. В правом слышалось монотонное гудение, иногда перерастающее в громкий скрежет или жужжание, которое я с трудом выносил. Эти звуки я слышал непрерывно около двух лет, и вот они снова возникли и усилились.

Однажды, лет в двенадцать, в медитации эти звуки стали необычно сильными и буквально вдавили мое тело, которое не могло пошевелиться. Я сконцентрировался на звуке справа и на центральном канале, пытаюсь не терять осознанного присутствия, объединяясь со звуком. Звук нарастал до оглушающего грохота, внезапно откуда-то сверху я услышал раскаты грома, нечто наподобие громогласного: «Д-д-а...Д-д-а».

Этот громоподобный рев привел меня в замешательство, последняя мысль, которая мелькнула в моем сознании, была о том, что возможно это вселенское «да» откроет мне дверь в самадхи, и что это — громогласный утвердительный ответ моего высшего «Я» на все вопросы моих духовных поисков.

Вслед за этим я утратил чувство тела и ощутил себя плывущим в невообразимом пространстве звука...

Это было спиральное пространство, сверкающее наподобие развернутой парчи, уходящей в бесконечную даль, которая ощущалась не визуально, а как звук (вибрация).

Мое сознание двигалось, сопровождаемое чудесными мелодиями и мелодичным звоном, вдоль этой парчи, пока я внезапно не утратил ощущение самобытия «Я», чувство внутреннего и внешнего.

Я находился в этом невообразимом пространстве, без верха и низа, без цвета, вкуса и запаха, осознавая себя как чистое бытие-сознание без единой мысли...

Этот опыт, по возвращении в тело, радикально изменил всю мою практику, после него я мог ежедневно проводить в самадхи много часов.

Между тем, жизнь, учеба и служба шли своим чередом. Закончились переводные экзамены. Впереди — стажировка, затем отпуск! Долгожданный отпуск. Все курсанты ждали стажировку на корабле, чтобы можно было отдохнуть от ежедневной изматывающей учебы и муштры в аудиториях и казармах. Эту стажировку мы воспринимали как подготовку к отпуску. Всем очень хотелось развеяться, хотя бы на время вдохнуть свежий воздух свободы и новых впечатлений. Даже песню группы «Мираж» переделали по этому случаю, и пели под ее мелодию голосом Татьяны Овсиенко: «Завтра улечу я на стажировку, буду делать все, что захочу...»

Наступила долгожданная пора. Нам раздали сухой паек на три дня — время переезда на поезде, пластиковые фляги для воды, «тропичку» — летнюю рабочую одежду для путешествий в жарком климате, включая тапочки с дырочками. Впервые нам предстояло выйти в Средиземное море и совершить дальний поход. После него нам должны были вручить значки «ЗДП» — «За дальний поход». А этот значок очень уважался среди матросов, курсантов и даже офицеров.

Нам подробно описали предстоящий маршрут и учебные задачи, которые надо было выполнять. Мы должны были стартовать из Кронштадта, выйти в Средиземное море, сделать большой круг, все это время заниматься штурманским делом, изучать искусство навигации, пройти через Босфор, Дарданеллы, зайти в Турцию, затем постоять в Варне — курортном городе в Болгарии, и оттуда пойти в Севастополь. В Севастополе наш поход завершался.

После дальнего похода мы приказом начальника училища переводились на четвертый курс. Этого перевода мы ждали как манны небесной. Быть четверокурсником по тем старым курсантским меркам — это что-то среднее между нынешним министром и олигархом, ведь ему оставался всего год до выпуска! На четвертом курсе можно было уже не соблюдать те многочисленные ограничения и правила, которые соблюдали мы, младшие. Например, четверокурсники жили не в кубриках по тридцать человек, а в отдельных «номерах» по два человека; они каждый день ходили в увольнение в город и вообще вели очень свободный и независимый образ жизни. Так нам казалось. Но как же мы ошибались!

Трое суток мы с шутками, байками и песнями под гитару ехали в плацкартном вагоне до Ленинграда. Затем переехали в Кронштадт и успешно погрузились на учебное судно «Чесма». Судно было не новым, довольно большим, и было создано именно для обучения морских курсантов. Мы, наш класс, разместились на нижней палубе в двух кубриках.

В каждом было человек по пятнадцать. Здесь-то и началась «горячая пора». Похоже, офицеры решили показать нам вкус корабельной службы. Вахты, дежурства, проверки, ночные занятия, работы на кухне в ночную смену посыпались так, что мы не могли даже вздохнуть.

Дойдя до третьего курса, мы успели повидать многое, нудные работы на камбузе, караулы, вахты, постоянные наряды на работы по воскресеньям и бессонные ночи — для нас не были новинкой.

Мы не были новичками, избалованными белоручками, никто в училище нас не считал белой костью, все три года офицеры держали нас в ежовых рукавицах. Служба есть служба, с нами никто не церемонился, несмотря на то, что каждый второй из курсантов имел весьма влиятельных родственников в миру.

Три года службы и учебы закалили и воспитали нас, сделав из вчерашних школьников довольно сильных психологически, волевых, опытных и бывалых людей. Но это уже было за гранью возможного даже для нас, «бывалых».

Командиры строили нас на верхней палубе и проверяли по одиннадцать-пятнадцать раз в день. Я специально считал. Мы полтора месяца спали по три, три с половиной часа в сутки,

так как через день были ночные занятия по навигации, кораблевождению и ночные работы на камбузе. А иногда, благодаря старшине первой статьи Зеленецкому, командиру отделения, который составлял графики, занятия совпадали с ночными работами на кухне, и на сон не оставалось почти ничего. Плюс ко всему постоянная, одуряющая духота. Плюс постоянная качка. Плюс стычки с «местными», старослужащими матросами срочной службы, служащими на корабле, во время очередей на камбуз, во время приборки, так как они считали нас «пассажирами», демонстрируя свое неуважение. До драк не доходило, но радости тоже не добавляло.

У нас в кубрике на стене висел календарь, и мы зачеркивали дни на нем. Да... Не так мы представляли стажировку на корабле и дальний поход, совсем не так. В училище, по крайней мере, можно было выспаться.

Я не знаю, может, это были планы наших командиров, которые перед четвертым курсом решили показать нам «кузькину мать» и преподать суровый урок корабельной жизни и преодоления флотских трудностей. Или это была простая непродуманность, но мы буквально с ног валились. При этом никто не высказывал недовольства, никто не хныкал.

«Надо» — это слово мы учились понимать с первого дня обучения. Это служба, и каждый знал, где он и кто он. Каждому из нас это ясно объяснили еще в первый год. Мы просто ждали, когда же, наконец, все это кончится.

Однажды, уже в конце похода, когда мы двигались из Средиземного моря и шли по Черному морю из Турции в Болгарию, я понял, что мои физические силы на исходе.

Тем не менее, как обычно, я бесстрастно наблюдал все, что происходило вокруг, и был внутри счастлив. Мой дух был спокоен и тверд, но мое тело и энергия были измождены. Я обратился внутри к тому бесконечному божественному, что всегда вело и вдохновляло меня в жизни. Это не был крик отчаявшейся души, нет, я уже давным-давно, еще в шесть лет, забыл, что такое отчаяние, но это был сильный молитвенный призыв, вопрос в пространство, в пустоту, без цели и надежды. Я хотел понять — нужно ли все это? Каков мой путь во внешнем мире? Какова роль? Долго ли еще мне ее играть?

Лежа на койке второго яруса в переполненном жарком кубрике на нижней палубе корабля, засыпая, я послал сильный импульс в окружающее пространство, попросив о духовной помощи и наставлении.

Я не успел уснуть, как у меня возникло удивительное видение наяву. В нем я беседовал с мудрецом, которого, как мне казалось, давно, очень давно знаю. У мудреца были сияющие глаза, и весь он как бы пылал неземной энергией. Он сказал мне, что услышал мой призыв и ответил на него. Также добавил, что давно знает меня и постоянно наблюдает за мной, так как мы связаны с ним не одну жизнь. Мудрец сказал, что я и он — одно, и чтобы я не беспокоился, что скоро мы встретимся, и моя жизнь скоро изменится...

Я уснул и проснулся утром очень вдохновленным и озадаченным одновременно.

Кто он? Откуда он мог меня знать? Не игра ли это моего воображения от усталости?

На следующую ночь видение повторилось. Это было полноценное осознанное видение наяву, в котором я снова имел реальную беседу с мудрецом. Он сказал, что скоро мне предстоит стать Учителем других людей, поэтому я сам должен много учиться, в том числе и у него. Он сказал, что это предопределено моей судьбой, прошлой кармой и открыто ему. Самое главное: скоро мы встретимся наяву.

Я довольно много расспрашивал мудреца о своем будущем пути, а он много и подробно рассказывал мне об этом. Я сказал, что хочу вести образ жизни садху, но пока нахожусь здесь, так как связан обещаниями. Он ответил:

— Не переживай, ты уверенно идешь к своей цели. Ты еще немного послужишь, а потом уйдешь со службы, чтобы жить как садху. А потом будешь учить, станешь Духовным учителем, Гуру.

Я слушал, не веря своим ушам. У меня не было этого в планах, я просто мечтал стать отшельником.

Еще мудрец сказал, что я уже многое знаю с детства, это знание есть у меня благодаря тапасу, который я делал в прошлом. Хотя сейчас внешне я выгляжу как светский человек, у меня нет желаний, и я знаю истину. Но мне предстоит продолжить свой путь дальше.

Далее он говорил, что скоро Советский Союз исчезнет, и социализм исчезнет, и вообще все в мире поменяется, Россия будет другой.

— А ты, — он кивнул на меня, — скоро уйдешь от мира далеко и станешь настоящим йогом, монахом-садху. Ты долго будешь жить в одиночестве как отшельник, много медитировать, чтобы затем учить людей в России пути Просветления.

Он продолжал:

— У тебя будет много учеников, и ты должен будешь выполнить миссию, для которой рожден, — учить Дхарме, открывать путь для людей в России и во всем мире.

Он добавил, что благословляет меня на эту миссию.

Мудрец сказал, что будет всегда помогать мне, поскольку между нами есть особая связь, но говорить об этом пока рано. Об этом лучше не говорить до поры до времени.

— Это будет позже, — продолжил он, — сейчас ты еще не готов, ты должен будешь очистить свою карму. Тебе предстоит стать офицером, много учиться, познать мирскую жизнь, пройти через игру в надежды и разочарования, страдания и поиски истины. Тебе это не нужно, ведь ты хочешь стать отшельником, и ничто земное тебя не интересует, не так ли?

Он, словно видя мои мысленные возражения, шутливо копировал мои выражения.

— Это нужно будет другим. Ты должен пройти через это ради других, твоих будущих учеников. Иначе твоего опыта не будет достаточно, чтобы вести их, и изменить этот мир.

Если ты сейчас все бросишь, то станешь хорошим йогом, но ты не будешь понимать этот мир и мышление людей запада. Ты не сможешь проявить себя так, как это необходимо для твоей миссии. Мир ждут большие изменения, и тебе уготована своя роль в этой божественной игре. Ты должен принять свою миссию и терпеливо набираться жизненного опыта.

Затем мудрец сказал, что моя служба закончится именно тогда, когда я наберусь достаточно опыта, но не ранее. Лишь после этого я стану йогом. Когда же я стану йогом, у меня больше не будет такой возможности, так как я буду очень далек от мира и обычных людей.

Далее он сказал, что мой путь — путь монаха (санньяси), но так как я не могу пока приехать в Индию, он благословляет меня здесь и сейчас на этот путь. Он сказал, что я скоро начну жить согласно идеалам санньясы, и мое полное имя в санньясе будет Свами Вишнудевананда Махарадж. Оно придет ко мне гораздо позже, а до принятия обета санньясы я буду жить как отшельник-авадхута, монах, и буду известен как Свами Вишну Дэв, что он благословляет меня жить как садху, и говорит, чтобы я ничего не боялся и не сомневался.

Еще мудрец сказал, что скоро мы встретимся в физической реальности. Но пока об этом не надо говорить ни с кем, следует держать свой путь в тайне, иначе возникнут препятствия, и благословение не проявит свою силу.

Я слушал, и какая-то часть моего разума отказывалась верить в происходящее, ведь «так не бывает», но другая часть воспринимала это совершенно спокойно.

Что когда-то меня могло удивить и смутить, после опытов медитации? Видения? Разговоры со сверхсущностями? Разве уже с детства я не выбрал бесповоротно свой путь?

Я смущенно раздумывал, что бы мне сказать в ответ, но, так и не придумав, просто спросил:

— Когда это произойдет?

Он ответил:

— Скоро, очень скоро.

Затем мудрец, наклонившись, назвал меня по имени, подул мне в ухо, протяжно произнес мне в ухо мантру: «О-о-м», и коснулся моей макушки. Макушка завибрировала, налилась энергией, снизу с уровня копчика поднялась тугая волна энергии и пронзила позвоночник, а затем голову. Вспыхнул яркий внутренний свет внутри головы, в горле запершило, из глаз хлынули слезы. Я погрузился в глубокое самадхи вне мыслей. Энергия Кундалини сильно поднялась к макушке, так что остановилось дыхание и вышло тонкое тело. Он похлопал меня по спине:

— Тебе пора идти.

Видение исчезло.

Я, окрыленный и смущенный одновременно, мысленно поблагодарил святого. Все это вдохновило, но не ошеломило меня, я как бесстрастный наблюдатель был, как обычно, в состоянии игры и в своем наблюдении «Я-есть» — источника Реальности.

Утром я, разумеется, в силу своего характера, ничего никому об этом не рассказал.

Хотя в коллективе мы и жили открыто, дружно, делясь всем — снами, успехами в общении с девушками, обидами на начальников, мечтами, с детства я твердо усвоил правило: мои внутренние переживания, моя духовная практика, опыты, истинные взгляды на жизнь, мое мировоззрение — табу для других, тайна тайн за семью печатями. Так было, есть и всегда будет. Что поделаться, люди — это люди, садху — это садху. Я четко провел грань между своим миром и тем, что меня окружало. Каждый живет в своем мире.

А нарушать границы между мирами — нехорошо, это вызывает нарушение баланса в мироздании. На это имеет право только великий святой или божество, которое хорошо знает, что делает, и берет за это ответственность.

Вокруг меня двадцать четыре часа в сутки был военно-коммунистический, материалистический, атеистически и скептически настроенный светский мир, культура, в которых не было места ни духовным поискам, ни Богу, ни мистике, ни духовной жизни, ни йоге, ни учителям — святым мудрецам из сновидений. Рассказ о чем-либо подобном, как минимум, вызвал бы насмешки и издевки, а как максимум — вполне можно было вылететь из партии, из училища, а оттуда — прямоком дослуживать на Черноморский Флот в качестве рядового матроса. В других случаях и похуже — можно было попасть на прием к психиатру, со всеми вытекающими последствиями. А это совсем не входило в мои планы, ведь я был связан обещанием родителям стать офицером, получить высшее образование. Я поклялся, что стану им. А обещания надо выполнять, какими бы они ни были. Надо отвечать за свои слова — это я хорошо усвоил с детства.

Второй день подряд... Это не могло быть игрой воображения или совпадением. Хоть я на протяжении полутора месяцев мало спал, мой ум был трезв и ясен как никогда. У меня не было ничего подобного ранее.

Наш корабль и курс завершили свою задачу, напряжение спало, учебные ночные вахты закончились, морская практика почти завершилась. Судно зашло в порт Варна, и нам дали немного расслабиться — выдали немного местных денег (левов), разрешили погулять по городу и даже зайти на знаменитый пляж Златны пясцы (Золотые пески), чтобы немного развеяться, пофотографироваться и купить сувениры. Нас отпускали в увольнение

маленькими группами, в каждой из которых был старший, но мне хотелось помолчать, побыть одному.

Встреча с мудрецом не выходила у меня из головы. Я был равнодушен к пляжным радостям, заграничным сувенирам и прочему, хотя мои друзья были очень увлечены всем этим. Я оторвался на некоторое время от группы, чтобы погулять по берегу. Я бродил, с наслаждением созерцая единство «Я», пляжа и людей вокруг. Это единство усилилось после вчерашней ночи. Меня покачивало, голову приятно ломило, в копчике жгло и распирало, рот был полон слюны и какого-то металлического привкуса. Я был в легком и радостном шоке после той ночи, если сказать просто.

Наша группа курсантов отдыхала на пляже, покупала сувениры, каталась с американских горок, фотографировалась и пила «Швепс» — диковинный заморский напиток. Моего отсутствия никто не заметил. А я гулял по набережной Варны. Впереди были еще сутки стоянки.

Мы покидали Болгарию, но что-то мне подсказывало, что я еще вернусь сюда.

Через пару дней мы благополучно добрались до Севастополя, и прямо на причале я и еще несколько курсантов батальона, живущих в Севастополе, получили из рук мичмана — старшины роты вождеденный отпускной билет. На рукаве белоснежной фланелевки сверкал только вчера пришитый золотой галун — четыре галочки, знак четверокурсника...

Выпуск и годы службы

Шел июль 1988 года. Набирала обороты перестройка, повсюду начали говорить о новом мышлении, гласности, демократии. Повевал ветер перемен. Коммунистическая идеология, формально оставаясь у руля, реально начала понемногу отступать. На Украине стало популярным быть националистом. А националисты не очень-то любили «имперских» военных.

Рядом с училищем, на Красной площади, на Подоле, все чаще устраивались «провокационные» митинги и демонстрации общественных организаций, типа «Громада» с антикоммунистическими лозунгами. Мы, переодевшись, тоже ходили на них, чтобы «пошпионить».

Понемногу стали публиковаться книги по эзотерике. Внезапно стали модными экстрасенсы, колдуны и астрологи. Мир менялся на глазах. Люди собирались на улицах, пели, играли на музыкальных инструментах, свободно выражали свои мысли. В Киеве повсюду, на площадях, в подземных переходах можно было увидеть толпы людей, которые обсуждали политику. В воздухе запахло чем-то новым.

Создавалось впечатление, будто всеми людьми одновременно овладело Нечто, что производит грандиозные перемены. Но для нас, курсантов, это еще была и горячая пора.

Мы учились, учились, учились и завершали сдачу выпускных экзаменов. Это было время настоящей эйфории для всех, время праздника и приятных хлопот. Позади четыре года службы, дисциплины и учебы!

На классной доске кто-то написал букву «л» и после сдачи каждого выпускного экзамена приписывал к ней по букве: «е», «й», «т», «е» и т.д., пока не получилось слово «лейтенант».

Я успешно сдал все выпускные экзамены, философию, политэкономия, историю, психологию — на «отлично», кроме кораблеводства, которое просто не любил.

Впереди открывалась новая жизнь, каждого ждали заветные лейтенантские погоны, кортик и диплом о высшем образовании. Мои одноклассники были молоды, полны энтузиазма и желания изменить что-то в этом мире, или, на худой конец, сделать карьеру и хорошо устроиться в жизни.

Я тоже очень ждал выпуска, но не так, как это делали мои одноклассники. Меня ждала вожделенная свобода. Свобода жить так, как я хотел — быть тем, кем я хотел, отшельником-садху.

Я выполнил обещание, данное родителям. Я сдержал свое слово.

После экзаменов на главном плацу училища прошел торжественный выпуск, который произвел на всех огромное впечатление. Мы все так ждали этого дня! Мечтали о нем, когда убирали снег на плацу, ходили из года в год на парадах, драили полы с мылом в кубриках, несли вахты и дежурства, стояли в нарядах на камбузе и караулах.

Наконец-то, долгожданная свобода!

Все мои сослуживцы были полны надежд и ожиданий. Кто-то рвался на Север за должностями и звездами, полуторными окладами, полярными надбавками (полярками), быстрым карьерным ростом, кто-то мечтал остаться в Киеве, кто-то хотел попасть на большой корабль, на хорошую самостоятельную должность.

Но я думал совсем о другом. Думал о предсказаниях Гуру, о том, как мне побыстрее уволиться из вооруженных сил и устроить свою жизнь для практики йоги в уединении, о том, как бы мне не слишком огорчить родителей своим решением об увольнении. Я хотел сказать им: «Мое обещание выполнено, теперь я ничем не связан». Но не все оказалось так просто.

В законодательстве совершенно неожиданно появилась статья закона, разрешающая офицерам увольнение по собственному желанию только после пяти(!) обязательных лет службы после окончания военного училища. Я почувствовал, что мои надежды на будущее увольнение и жизнь садху в уединении лопнули как мыльный пузырь. Еще пять лет!

Какая-то часть моего «Я» взбунтовалась. Казалось, что это невыносимо, но с другой стороны я всегда жил, что называется, без надежд и страхов, и принял это с каким-то спокойствием, даже безразличием. Я давно привык играть чужие роли. Уже давно, очень давно я жил не так, как хотел бы, в чуждой мне культуре, и плюс-минус пять лет ничего не решали. Я привык постоянно жить в тайне, быть «своим среди чужих, чужим среди своих», маскировать свои взгляды и опыты — это стало уже второй натурой. Именно так всегда жили и живут сейчас сиддхи, существа из других миров среди людей, некоторые маги и колдуны.

Ничего не поделать. Люди и садху живут в разных вселенных. Между ними есть огромная мировоззренческая, этическая, смысловая и ценностная пропасть. Еще я имел предсказание своего Гуру и верил в него.

Служба меня совсем не тяготила, как не тяготило вообще ничего из мира людей. Она меня вообще не волновала, хоть и занимала много времени. Игра, она и есть игра. Все происходило как бы естественно, автоматически. Меня больше волновала моя садхана, а ей ничто не могло помешать.

Итак, я смирился с этим и принял свою судьбу. Я провел свой первый офицерский отпуск дома, у родителей, а затем поехал на Север в Североморск, в отдел кадров политуправления Северного Флота.

С первых секунд пребывания в Мурманске я ощутил удивительную магическую, волнующую атмосферу Севера. Сам воздух, энергетика... Это было именно то, что мне нужно!

В Североморске я провел первые два дня в гостинице «Ваенга». Все это время я никуда не выходил, пребывая в глубоких медитациях. Удивительно, как хорошо здесь шла медитация!

Я часами лежал, сидел в медитации, не ощущая своего тела и почти не дыша.

Здесь был очень суровый климат, полярные дни и ночи, девять месяцев зима, но атмосфера была весьма благоприятной для практики.

На третий день я отправился в политуправление штаба КСФ, в отдел кадров. Там я представился и после недолгой беседы с офицером-кадровиком в чине капитана второго ранга получил назначение в седьмую оперативную эскадру, в сорок восьмую бригаду, на эсминец «Своенравный», на освобожденную должность секретаря комитета комсомола, с перспективой стать на нем же зам. командира боевой части. На этом же корабле на должность зам. боевой части семь получил назначение мой одноклассник по училищу Ростислав Алферов. Он прибыл сюда на месяц раньше и помогал мне освоиться в первое время.

Прошло время, я освоился на корабле. Жил в двухместной каюте с другим офицером который был старше меня на два года. Это было время, когда начала слабеть коммунистическая идеология, и критика КПСС понемногу раздавалась со страниц «демократических» газет и журналов. К политработникам стали относиться с неприязнью, хотя открыто и прямо этого никто не высказывал. Но был отчетливо слышен глухой ропот.

Я попал в странную ситуацию, я вовсе не хотел служить, не поддерживал идеологию КПСС, а меня (и других) почему-то окружающие считали ставленниками и функционерами КПСС. Я специально в связи с этим дал интервью в Североморской газете (ее редактор был моим знакомым, выпускником нашего училища), где выступил против бюрократизации и догматизма КПСС, заявив, что не хочу быть партийным функционером. Статья так и называлась «Не хочу быть функционером». Острые статьи постепенно стали входить в моду в то время, хотя позиции партии еще были очень сильны.

Я служил на корабле, и мои успехи были замечены замполитом. К тому времени корабль принял участие в сопровождении учений на Фареро-Исландском рубеже. Мы сходили в дальний поход к Фарерским островам, затем на Новую Землю, и встали на ремонт в мурманский завод в поселке Роста.

Я учился нести офицерские вахты. Моя медитация тем временем нарастала день ото дня.

Я мог хорошо медитировать в своей каюте. У меня по-прежнему было много энергии, и я постоянно хотел сделать что-то хорошее для корабля и своих матросов. Каждое воскресенье, вместо того чтобы идти по своим делам, я водил матросов в город в кино, музеи или кафе. Замполит корабля, мой непосредственный начальник, заметил мое рвение и философский склад ума.

Через некоторое время офицеры из политотдела судоремонтной бригады начали искать кандидата на должность помощника начальника политотдела в Военно-морскую школу в Североморске, и мой начальник капитан третьего ранга Евгений Анатольевич Литвинович рекомендовал меня. Так я пошел на повышение. В двадцать два года стал помощником начальника политотдела.

Я переехал в Североморск, мне выделили служебное жилье рядом с частью, свой кабинет, ввели в круг обязанностей. Все это происходило естественно, как бы само собой, почти без моего участия. Мое умение хорошо ориентироваться в политических событиях, писать статьи и ясно излагать свои мысли, самостоятельность, ответственность и концентрация импонировали начальству. Я был на хорошем счету и вовремя получил очередное звание — старшего лейтенанта.

Я почувствовал себя более свободным и независимым. Независимым настолько, что осмелился дважды выступить с критикой коммунистической идеологии — один раз на гражданской комсомольской конференции г. Североморска, другой — на общефлотской комсомольской конференции Северного Флота. В присутствии адмирала — члена военного

совета, начальника политуправления Северного Флота, я заявил, что у коммунистической идеи в том виде, в каком она сейчас подается, нет перспектив, и идеологию коммунизма надо реформировать на основе идей духовности. В качестве образцов духовности я упомянул философию и практику йоги, веданты и буддизма.

Многие были в растерянности от моего выступления. Никто не ожидал этого.

Я вовсе не был против самой партии, я был за реформу ее идеологии. Идеология нуждалась в новых идеях, людях, формах работы, и я хотел насытить их духовным подходом, потому что хорошо видел, что если эту реформу не осуществить, то это сделает сама жизнь. Время показало, что я был прав.

В те времена говорить с большой трибуны такие вещи молодому лейтенанту, пришедшему служить на флот только после училища, было неслыханной дерзостью, и я хорошо понимал, чем это могло закончиться. Я совсем не был наивен. Хоть на дворе и шла всю перестройка, еще никто не догадывался, к чему она приведет. КПСС обладала реальной властью и всемогуществом, и сказать такое в то время было равноценно тому, чтобы поставить крест на своей карьере. Но именно этого я и хотел.

Я думал, может, меня уволят побыстрее, и я, наконец, смогу открыто жить как санньяси, в соответствии с тем, что говорил Гуру.

Мое выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. В то время никто из политработников не смел критиковать КПСС с высоких трибун, шептались — да, но вот чтобы так... В газетах, таких как «Комсомолец Заполярья», «Североморская правда» вышло несколько «разгромных статей», посвященных моему выступлению. Однокурсники по училищу, выступая с трибун, «гневно клеймили» мое выступление на этой конференции. Мой одноклассник Игорь Иванович, подойдя ко мне в перерыве, сказал, что не ожидал от меня такого. Он морально поддержал меня, но спросил:

— Зачем тебе это нужно — идти против течения? Ведь это огромный риск! Есть все шансы быть уволенным, исключенным из партии. Зачем из-за большой политики губить свою карьеру в самом начале?

Мне трудно было объяснить ему, чего я добивался. Я ничего не боялся, во-первых, Гуру еще четыре года назад предсказал, что скоро исчезнет и КПСС, и СССР. Я верил и чувствовал, что это произойдет очень скоро, во-вторых, и сам хотел, чтобы меня побыстрее уволили. В-третьих, для меня это была игра, иллюзия, которой я откровенно наслаждался и развлекался. Я играл, но военно-партийно-комсомольский мир вокруг меня принимал это всерьез, бурлил, обсуждал мои идеологические позиции и «ошибки». Ведь я был садху, ищущим суть вещей. Какое мне было дело до карьеры и политики? Но так складывалась моя карма, что приходилось играть во все это.

Многие ожидали, что меня накажут. Мой начальник и сослуживец из политотдела Виктор Кучин сказал, что я вышел на трибуну и своим выступлением отобрал погоны капитана первого ранга у своего начальника, нач. политотдела капитана второго ранга Маршикова.

Но, к удивлению всех, произошло все наоборот. Я был вызван на ковер к адмиралу зам. начальника политуправления СФ, и честно изложил ему свои взгляды. Моя искренность, политическая грамотность его удивили. Мы долго беседовали о кризисе старой идеологии, необходимости новых идеалов, смысле жизни и службе. Он, вместо того, чтобы упрекать меня, начал оправдываться передо мной. Я увидел искреннего, усталого человека, который понимает меня, но в силу своего положения стремится хоть как-то поддержать баланс.

Мне после этой конференции предложили... повышение, самостоятельную должность на сторожевом корабле. Я отказался.

На этом мой «бунт» не закончился. Я продолжал гнуть свою линию. На очередном собрании в части, где было голосование за старую идеологическую платформу КПСС и новую «демократическую», которую, кстати, начальство считало оппозиционной и диссидентской, я выступил с поддержкой демократической платформы. Меня неожиданно тихо поддержали другие, старшие офицеры, хотя они и побаивались за свою судьбу.

Друзья стали называть меня диссидентом, но это никак не отразилось на моей жизни.

Было такое впечатление, будто меня оберегает невидимая сила. Все, что бы я ни делал, оказывалось, в конце концов, правильным, сбывалось и подтверждало мою правоту.

Я уверен, это действовала моя внутренняя сила садху и благословение Гуру Брахмананды.

В то время я каждый день думал о нем, все больше и больше убеждаясь в пророческой силе его слов. Все, что он сказал мне в 1987 году, медленно, но верно сбывалось.

В одночасье в 1991 году развалился Советский Союз, ушли в «самостийность» союзные республики, лопнула коммунистическая идеология. КПСС развалилась, комсомол тоже.

КПСС, вместо ведущей и направляющей силы, стала изгоем. Бывшие коммунисты выбрасывали партбилеты. Партучет был закрыт уже полгода. Все, казалось, пребывали в растерянности, не зная как им жить дальше.

Я хоть и ходил на службу, но все больше отдалялся от социума, занимаясь своей практикой. Моя жизнь складывалась вполне удачно. Все вокруг, казалось, только и были озабочены своим выживанием, должностями и политикой. Меня не замечали на службе, всем было не до того. Вооруженные силы, как и вся страна, погрузились в кризис, их авторитет изо дня в день падал, дисциплина слабела, молодые офицеры сотнями увольнялись, не дожидаясь положенных по закону сроков. Никто толком не хотел служить, все мечтали стать коммерсантами, открыть свой бизнес.

Казалось, вся страна переворачивается вверх тормашками.

Политодел был расформирован, должность помощника по комсомолу, пропагандиста, секретаря партбюро — упразднили, а офицеров временно вывели за штат. Я также служил, пребывая за штатом некоторое время. Зарплату задерживали на три-четыре месяца.

Продукты исчезали из магазинов, и распределялись по талонам. Офицеры говорили, что им надо кормить семьи, и открыто занимались бизнесом в рабочее время, заключая по телефону коммерческие сделки, считая службу чем-то ненужным и бессмысленным. Дух нигилизма, сарказма по отношению к государству, службе, начальству, своей истории распространился среди многих моих сослуживцев. Помню, тогда среди офицеров еще ходила саркастическая поговорка: «Они думают, что они нам платят, ну пусть думают, что мы им служим».

Многие мои знакомые уже одной ногой чувствовали себя на гражданке, вели свой серьезный бизнес — открывали магазины, коммерческие точки. Складывалось такое впечатление, что все хотели быть деловыми людьми, торговать, заключать сделки.

Для меня же это было золотым временем, ведь я мог целиком, днями напролет предаваться духовным практикам! Я не был нужен никому, мне никто не мешал, я тихо вел свою практику, медитируя, где только мог, и приходил на службу только для того, чтобы отметить. А иногда и вовсе не приходил. Никто не замечал этого, все были заняты своими делами.

Страна, ее идеология, шла то ли вразнос, то ли под откос, вместе с ее вооруженными силами и социальными институтами. Каждый думал о своем будущем, разве было кому-то дело до странного диссидентствующего молодого офицера-мистика, который увольняется, но все никак не уволится?

Такое «переходное состояние» длилось около двух лет, с 1990 по 1992 год, пока я, наконец, не уволился. Некоторое время я находился за штатом и был без должности, офицером по поручениям. Иногда приходил на свое место, закрывал кабинет, ложился прямо на стол в шавасану и медитировал лежа по три-пять часов. Или просто сидел на стуле, погружаясь в самадхи. Затем уходил домой.

Меня не особенно волновали события, происходящие в стране, и то, что будет с моей партийно-политической должностью. Я был целиком поглощен медитацией, йогой сновидений, кундалини-йогой. Моя ясность, осознанность, энергия возрастали день ото дня. Я дослуживал свою офицерскую службу и уверенно продвигался в своей медитации.

Обычно в выходные дни я медитировал в неподвижной позе часов по десять-пятнадцать, а в дни, когда я был на службе — всего по восемь часов.

Несколько лет я посвятил практике тонкого тела. Его я научился выделять еще давно, в детстве, когда мы переехали в новую квартиру — место силы в Севастополе. Но здесь на Севере эти опыты набрали силу и стали моей второй жизнью. Иногда я даже умудрялся входить в самадхи прямо на дежурстве, будучи помощником дежурного по части.

Заступают на дежурство на сутки. Когда приходит ночь, дежурный, старший из офицеров, спит до пяти, а помощник дежурит до пяти утра. Затем он идет отдыхать с пяти до часу дня. Такой режим бессонной ночи для меня оказался весьма успешным. Я заходил в комнату дежурного, снимал кобуру с пистолетом ПМ, ложился на топчан и выходил из тела. Мое тонкое тело бродило некоторое время по рубке дежурного, а затем отправлялось в другие миры. Иногда я целыми часами жил в других мирах, путешествовал, встречался с духами, а когда приходилось возвращаться обратно, то наш реальный мир казался мне таким же иллюзорным, как и те, которые я посещал.

Однажды кто-то из сослуживцев, знающих о моих занятиях йогой, спросил меня о том, как мне удастся совмещать занятия и службу. Я просто рассмеялся, сказав, что для меня уже давно и этот мир, и другие — одна сплошная иллюзия, сон. И я не вижу проблем играть в этом или другом сне. Не знаю, понял ли он меня тогда.

Тем временем меня перевели на время к новому месту службы — во флотский экипаж.

Там я около полугода, кроме дежурств по части, занимался в основном медитацией в своем кабинете и изучением Адвайта Веданты по текстам Шри Шанкары и буддийских сутр. Затем меня снова перевели в военно-морскую школу в первую роту на должность зам. по воспитательной работе.

Начинался 1992 год. Я, будучи в чине старшего лейтенанта, отказался от получения очередного звания. Истекал пятилетний срок моей службы, и я подал рапорт об увольнении.

Прошло еще примерно полгода с момента подачи рапорта. Я, наконец, со всеми рассчитался, получил последние деньги, сдал подписной лист, оформил гражданские документы и стал свободен!

Как же долго я этого ждал! Долгих-долгих пять лет! А если учесть срок службы в училище, то и все девять! Это все из-за моей привычки доводить любое дело до конца, выполнять обещания, терпеть, смиряться, действовать «правильно», чтобы не напрягать других. Так думал я, поругивая себя за излишнее терпение. Гибкость, смирение, непривязанность к себе, терпение, умение медитировать всегда и везде, при любых обстоятельствах, исполнять обещания, хранить в тайне свою жизнь, хорошо играть любую роль в обществе — вот те бесценные уроки, которые я получил за это время, и которых мне не хватало.

Многие офицеры младше меня на два-три года увольнялись по желанию, со скандалами, не дожидаясь положенного срока, но я честно его дождался. Однако это время я не потерял

даром, отдалился от всех друзей и знакомых, распродал мебель, сделал из квартиры ритритное место для йоги, установил алтарь и с головой ушел в садхану.

Я глубоко овладел техниками лайя, хатха, раджа, кундалини-йоги, подготовил базу для будущего ритрита, поменял квартиру на более тихий район за чертой города и провел неплохой подготовительный двухмесячный ритрит. Я стал жить жизнью одинокого садху, как и предсказывал Гуру.

Для меня наступила золотая пора. Я отдал миру все долги и стал, наконец, жить так, как мечтал всю жизнь — в молчании, уединении, отшельничестве и медитации.

Ритрит

Ритрит я начал по совету Учителя. К тому времени, когда я начал ритрит, у меня был довольно «солидный» стаж практики медитации (около восьми лет). Я много занимался Хатха-, Кундалини-йогой под руководством нескольких Учителей, Раджа-йогой, техниками выделения тонкого тела и йогой сновидений.

Однако, все эти малые успехи не могли убрать тонкой завесы двойственности в моем сознании и не могли даже сравниться с теми первыми ошеломляющими опытами, пережитыми в детстве, с которыми я отождествлял себя. Именно их я хотел углубить и прояснить духовной практикой. Ритрит длился два года и девять месяцев. Все время ритрита я соблюдал молчание и жил по довольно строгому расписанию, которое включало: техники йоги (в среднем около шести часов в день, утром и вечером: комплекс асан, сахита-кумбхака, три мудры (с упором на махабандху); три сессии по два часа нескольких видов сидячей медитации Пустоты («Махашанти», «Атма-вичара», «Разбитый кувшин» или «Бесконечное пространство»); практику созерцательной ходьбы минимум один раз в сутки; йогу сновидений; специальные визуализации для направления праны в центральный канал (Крийя-йога).

Прошло два года ритрита

Появились кое-какие результаты. Я мог свободно сидеть в самадхи первой-второй дхьяны более часа. Боль в ногах и спине от сидячей позы исчезла. Тело стало легким, и я начал слышать звон в ушах (анахата-нада). Это признак очищения нади за счет восходящей энергии (вайю), хотя техникам я уделял всего шесть часов в день. Посторонние мысли больше не беспокоили меня, как бывало. Я полностью мог концентрироваться на практике. Медитация, перерыв, медитация, мантра, еда, ходьба в созерцании, медитация, ходьба, сон, медитация. Так изо дня в день. Сны стали очень яркими и осознанными, почти каждую ночь опыты более высоких миров, таких как Мир Асуров и Небеса Страстей, либо прошлые жизни.

Иногда сознание не прерывалось всю ночь, словно сна не было, а было лишь перемещение сознания из одного тела в другое, из одного мира в другой. Я находился в странном, незнакомом прежде состоянии одновременного существования на разных уровнях бытия.

В первое время было много пустых мыслей о себе, о других. В своем уме я «прокручивал» сюжеты прожитого или долго беседовал с родственниками, монахами — братьями по Дхарме. Было желание поговорить с кем-нибудь. Теперь же это ушло. Вместо этого где-то в глубине моей души начал рождаться другой «я» — очень глубокое, отрешенное сознание, наблюдающее этот мир. Это другое «я» было свободно и отрешено от всего, что есть, оно обладало своим независимым существованием. Иногда это приносило неопишное чувство

радости, но вначале чаще пугало своей новизной. Это «я» было бесконечно глубоким, одиноким и мудрым. Во время медитаций, в течение дня во время техник, ходьбы или еды это чувство «я» усиливалось, однако ночью, во сне, я его терял.

Прошел еще месяц

Мир теперь как бы поделился на две части: обычный, грубый, внешний мир, в котором мы думаем, живем, т.е. поверхностное сознание, и мир моей души, т.е. подсознание и сверхподсознание.

Я удивляюсь такому новому восприятию реальности, т.к. нам, обычным людям, доступен только один мир — первая часть, наше бодрственное состояние. Теперь все изменилось. Около восьми-двенадцати часов я провожу в подсознании. Это очень счастливое и свободное состояние. Мне не хочется ни с кем общаться. Только концентрация на самом себе, самоосознание, медитация. Только удерживать и углублять это состояние.

Во время специальной техники ходьбы (чанкраманам) медитация продолжается. Этот мир, другие люди, все начинает выглядеть иначе. Я чувствую, что очень далек от обычного мира повседневных дел и забот. Думаю, со стороны мое поведение окружающим показалось бы странным, т.к. это стадия расщепления личности. Как хорошо, что есть возможность вести практику в уединении. Теперь я могу без проблем сидеть в медитации пять-семь часов подряд. Вся энергия собирается в голове. Тело легкое, иногда почти не чувствуется. Я удивляюсь, как я смог достичь этого. Кажется, сидеть в медитации самое приятное и естественное занятие. Это стадия блаженства дхьяны, описанная в буддийских йогических сутрах. Теперь медитации не были простыми сидениями с закрытыми глазами. Каждая новая медитация приносила все более глубокий опыт.

30 апреля

Похоже, медитация идет успешно. Я без труда останавливаю мысли и осознаю пустое пространство перед собой (чит-акаша). Сознание напоминает ровную гладь озера. Если я удерживаю такое сознание долго, оно начинает углубляться и расширяться. В голове постоянное давление, когда оно в аджна-чакре, я вижу неяркий серебристо-белый свет, когда в сахасрара-чакре — желто-оранжевый. В это время мое сердце бьется неритмично, иногда останавливаясь от двух до двадцати секунд. Дыхание также останавливается.

Всякий раз при мысли: «Я не дышу» меня охватывает страх, я начинаю задыхаться. Что делать? Я стараюсь не думать о теле, сердце и дыхании. Надо продолжать медитацию и удерживать бесконечное пространство внутри и вне себя, осознавая его, и не допускать ни одной посторонней мысли. Нужно превзойти эту привязанность. «Я не есть это тело, я не есть это тело, я — бесконечное сознание». Я изо всех сил пытаюсь осознавать это, но не всегда удается. Иногда мешают посторонние мысли, иногда приходит тамас — тупость и неосознанность.

11 мая

Медитирую по пять-шесть часов в день в сидячей позе, остальное время — выполнение техники ходьбы. Новая проблема — жуткий страх смерти. Когда сердце и дыхание останавливаются, я чувствую, как проваливаюсь в темноту и растворяюсь в ней. Этот мир уходит, чувства уходят, тело уходит, ум уходит. Что же от меня останется? Я не могу преодолеть этот страх. И раньше мне приходилось много раз покидать физическое тело во время выходов в Астральный мир. Я делал это за счет энергии Кундалини или силы воли в подсознании. Это был перенос сознания в другое, более тонкое тело, имеющее форму, в другой реальный мир — бардо. Здесь другое: остается только тонкое чувство «я», тонкое осознание, не имеющее формы. Это то, что называют Мир Без Форм, Каузальный мир. Если мы входим в средний и нижний Каузальный мир, темнота указывает на недостаток заслуг.

Когда испытываю верхний Мир Без Форм, Пустоту со светом, верхний Каузальный мир, где действует наше Истинное «Я», имеющее отношение к аджна-чакре, я останавливаю его из-за страха смерти. Как глупо! Иметь возможность войти в самадхи и препятствовать этому из-за страха смерти. Я ничего не могу сделать с этим страхом. Раньше я и не подозревал, насколько я цепляюсь за свои пять оболочек: физическое тело, чувства, ощущения, образы, сформированный опыт. Учитель предупреждал, что это будет большой трудностью, но я не подозревал, что настолько большой!

Раз за разом я иду на компромисс и прекращаю медитацию, препятствую самадхи. Это и есть недостаток заслуг и знания текстов. Я чувствую себя ничемным практикующим и поддаюсь депрессии. Так никогда не достичь Освобождения. Значит, в момент смерти я буду бояться, а страх — это утрата контроля. На уровне поверхностного сознания мы часто говорим: «Я не есть это тело», «Я не привязан ни к чему», «Человек обязательно умрет». Однако, говорить и испытывать — совершенно разные вещи. Я со злой иронией вспоминаю эти слова. Как легко мы жонглируем терминами и словами, которых никогда не испытывали сами, хотя с точки зрения жертвования Истины это совершенно необходимо делать.

Я снова и снова читаю дхарани и занимаюсь аналитической медитацией. «Это тело — источник страданий, ощущения — источник страданий, мои мысли — непостоянны, сформированный опыт, фиксированные идеи и воля — это не есть я. Я отрешусь от них! Я отрешусь от них!»

*Постучит печаль —
не гони ее.*

*Навестит тоска —
не беги ее.*

*Не жаль, не плачь,
о себе забудь,*

*луч надежды сам —
он угаснет пусть...*

Я вспоминаю суфийскую притчу о ручье, который захотел пересечь пустыню, но был остановлен песками. Пески ему сказали: «Мы живем здесь давно, тысячи лет. Никто еще не пересекал пустыню обычным способом. Чтобы пересечь пустыню, ты должен стать другим, должен исчезнуть, испариться. Тогда ветер подхватит тебя, и ты пересечешь пустыню облаком, затем вновь вернешься на землю. До тебя все так делали».

В этой притче суфии описали процесс достижения самадхи. Ручей сомневался и боялся, но другого выхода не было. Он принял решение измениться и пересек пустыню. Мне нужно измениться. Нужно перейти в это другое состояние, подобное облаку чистого сознания. Тогда я преодолею пустыню сансары. Раз за разом я испытываю задержку дыхания, ощущение утраты тела и переход в необъяснимое состояние вне времени и пространства. Это длится все дольше и дольше. Я никогда не испытывал ничего подобного, это трудно выразить словами. Из всех сил пытаюсь осознать себя в этом состоянии и преодолеть страх. Я понимаю, что это равноценно смерти. Но иногда серебристо-белый свет начинает освещать то внутреннее пространство, в котором я нахожусь. Страх уходит, на его место приходит блаженство (ананда) и отрешенность.

Мне удалось преодолеть этот барьер!

Новое ощущение — Пустота. Переживание Мира Без Форм трудно передаваемо.

«Экстаз», «сверхсознание», «свобода» — это невыразительные термины! Этот опыт сильно меняет мое сознание. Я изумляюсь тому величественному миру, который открывается внутри меня. Как я мог раньше его упустить?

*Улетел вчера я
в бесконечность,
тела тлен
оставив в тишине.*

*Там и нашептала мне
нагая Вечность
неземную сказку
о себе...*

Если Освобождение, Нирвана — углубление этого состояния, то, возможно, наступит момент, когда мне не захочется из него выходить. Я чувствую отвращение к проявленному миру грубых объектов, т.к. при его восприятии это великое состояние утрачивается. Я чувствую потерю времени при нахождении в поверхностном сознании. Фактически все, кроме медитации, воспринимается как пустая трата времени. Нужно научиться медитировать по многу часов. Я знаю, есть святые, находящиеся в медитативном состоянии при жизни в миру. Я же быстро теряю то чистое, сверкающее ясное сознание, как только возвращаюсь в грубый мир.

19 мая

Я приступил к медитации Пустоты после двух часов практики ходьбы. Остановив мысли, я изо всех сил старался, как бы вглядываться в пустое темное пространство перед собой. Новое сознание, отличное от поверхностного ума и подсознания (образов), начало распространяться за пределы головы до бесконечности. Это сознание обладало огромной интенсивностью, скоростью и не было ограничено формой.

Когда я начинаю входить в него глубоко, начинаю видеть сначала тусклый, затем яркий белый свет. Иногда он меняется на золотой. В это время мое дыхание останавливается, и я теряю ощущение тела. Это сознание обладает большой глубиной, его трудно выразить словами, оно бесконечно и приносит огромное наслаждение. Во время медитации приходит сильный восторг и радость от соприкосновения с этой бесконечностью. Я медитирую, осознавая, как «захватываю» этим сознанием все большее и большее пространство. Ощущения тела, этого мира полностью исчезают, нет мыслей, времени, пространства и чувства «я». Есть одно сознание бесконечного пространства, иногда оно темное, иногда светящееся. Мне не хочется выходить из него. Я интуитивно знаю, что если я и умру, то буду существовать вне времени и пространства как это бесконечное сознание. Радость и удивление от того, что мне удалось постичь такое состояние, были настолько велики, что я изумлялся самому себе.

*О, Господь,
я готов без ума
целовать твою сладкую землю.*

*Я готов обнимать этот туласи
сказочный ствол.*

*Здесь травинка мне каждая
радостью внемлет,*

*Каждый лист мне в экстазе поет:
«Хари Бо-о-о-л!!!»*

Прошло три часа, хотя по ощущениям — всего несколько минут. Все это время я не дышал. Когда моя концентрация ослабевает, я понемногу выхожу из этого состояния, возвращаясь в тело. В это время окружающий мир, предметы воспринимаются как нереальные, другие люди — словно спящие. Мне не хочется говорить, думать, делать что-либо или выражать себя. Даже попытка проявлять свою волю затуманивает это чистое, подобное зеркалу, сознание. Мне не хочется жить в этом мире в том смысле, как это понимают обычные мирские люди. Единственное мое желание — продолжать удерживать это ясное, отрешенное, свободное состояние чистого «Я», т.е. сверхподсознание или Каузальный мир.

Шел четвертый месяц третьего года практики... Мое сознание и уровень энергии сильно изменились. Раньше я думал, что без пранаямы или техник управления ветром очистить каналы (нади) невозможно. Это возможно за счет вайю. В тех местах тела, где есть засорения, я чувствую напряжение и физическую боль. Но если потерпеть и продолжать медитацию, восходящая энергия пробьет засорения в нади, и сразу наступит облегчение. Так было со всеми чакрами. Когда я начинал медитацию, было очень неприятное ощущение в свадхистана-чакре, сильнейшее сексуальное желание на уровне Астрала.

Прошла неделя, пока я смог полностью очистить свадхистану за счет сильной концентрации и медитации Пустоты. Энергия заструилась вверх сильно и свободно, наступило приятное облегчение как при сексуальном экстазе. Затем пришел черед манипура-чакры. Меня преследовал голод и видения пищи, несколько раз я был в самадхи промежуточного состояния (бардо).

Когда энергия полностью освободила чакру и информация ушла из подсознания, наступил черед анахата-чакры и вишуддха-чакры. Процессы одни и те же: очищение каналов, уничтожение нечистой информации (образов в подсознании), испытывание желаний, облегчение. После того, как были отброшены привязанности и желание превосходить других, я начал видеть свет в аджна-чакре.

Сначала он был тускло-белым, затем ярким. Я легко мог предсказывать будущее или знал, что происходит с тем или другим человеком. Было сильное давление в межбровье и затылке — карма мыслей и фиксированных идей. Иногда давление изнутри было настолько сильным, что я опасался, что череп не выдержит. Это была мощная Кундалини ветра, поднятая за счет медитации. Позже я начал ощущать давление в центре головы (сома-чакре), то ли энергия, то ли сладковатая жидкость начинала струиться с неба вниз. Она имела восхитительный вкус свежести. Это был «Нектар бессмертия», а само явление в тантре называется «Вино бессмертия» (Чандали). Перед испытанием Нектара я слышал щелчки внутри головы и звук каплюющей жидкости, а рот наполнялся очень вкусной слюной. Этот Нектар также описан в сутрах как Амрита.

20 мая

*Отбросив мысли,
ищи пустой ум,
в нем золотом
сияющий свет.*

*Вспыхнув, он рассеет
кальпы сансары
и двойственных тысячи бед.*

Утро. В медитацию вхожу легко, словно это мое обычное состояние. И это действительно так! Остановка внутреннего диалога, прекращение мыслей, сохранение статуса осознания. Интенсивность сознания возрастает до немыслимой степени за несколько минут. Иногда приходят мысли: «Я в Пустоте», «у меня совсем нет мыслей»... И эти последние мысли я

научился быстро различать и останавливать. Сознание расширяется за пределы невообразимого. Поднимается мягкая энергия. Она очень хорошо очищает мои каналы.

Я нахожусь еще в теле. Где-то передо мной возникает вибрация. Я воспринимаю ее не чувствами, не умом, а сознанием, вернее сверхподсознанием. Я пытаюсь настроиться на эту вибрацию, синхронизируюсь с ней. Когда мне это удастся и я сливаюсь с ней полностью, мое сознание испытывает еще один прорыв! Это не просто бесконечное пространство. Я начинаю ощущать необъяснимую мудрость и понимание сущности всей Вселенной. Ощущение, будто ты знаешь все досконально. Нужно лишь сконцентрироваться на чем-либо, и придет достоверная исчерпывающая информация. Но у меня нет желания что-либо узнавать. Я ухожу все глубже. В такие моменты обычно приходит страх смерти. Тела нет, мыслей нет, ощущений нет... Кто я? Есть лишь неопишное сознание, и оно бессмертно!

Это второй уровень Каузального мира (Арупа-локи), состояние бесконечного сознания.

25 мая

*Уже ни о чем не плачу,
уже ничего не прошу.
Без радости встречу удачу,
без сожаления
отпущу...*

Я думаю, мое сознание сильно изменилось за время практики. Мирские желания, разговоры, выяснение отношений, радость от соприкосновения с материальными объектами — об этом даже неприятно вспоминать, даже думать становится неприятным. Ловлю себя на том, что большую часть суток пребываю в состоянии безмыслия (унмани). Теперь я очень хорошо чувствую, как сам процесс мышления, любая мысль отнимает мою энергию, ограничивает. Вот почему Будда учил: «Жизни присущи страдания, все есть страдания!».

27 мая

*О, люди!
Ваш бред сансарный
давно мне надоел,
и слушать больше
я его не буду,
хотя и дал обеты
боддхисаттвы.*

Я — Атман, Атман!

*Атман я,
а вовсе не какой-то Свами Вишну Дэв.*

*А вы-то кто же?
Все тот же Атман,
Атман,
Атман!*

За время молчания я утратил желание разговаривать. Да и о чем можно говорить вообще? Ведь то состояние, которое я испытывал, невыразимо словами. Думаю, что буду соблюдать молчание до конца жизни, если Гуру даст на это благословение. Я чувствую себя все радостнее! Одновременно просыпается сострадание к другим людям, находящимся в майе. Как же они несчастны со своими вечными заботами! Ведь им неизвестно это огромное, бесконечное сознание, в котором мы все находимся, которое стало чем-то обычным для меня. Время сна уменьшилось до четырех часов.

28 мая

*Океан золотого света
вошел в мое тело,
и взорвался мой ум изнутри.*

*Затем взял ручку
и написал об этом.*

*Написал
и смеется...*

Сегодня пять часов медитация Пустоты с акцентом на бесконечное пространство в комбинации с практикой Атма-вичары. Во время концентрации на чувстве «я» в области брахмарандры всегда вспыхивает неяркий желтый свет. По мере усиления концентрации он становится все ярче, превращаясь в целый водоворот золотого света, который опускается на меня. Я растворяюсь в нем, становлюсь этим светом.

Как практика меняет душу человека!

Я чувствую, что стал совсем другим человеком! Вернее, я перестал быть человеком. Как тело, как эго я себя почти не воспринимаю. Кто же я сейчас? Я — бесконечное сознание, которое как купол висит над головой и, кажется, окружает меня со всех сторон. Стоит больше сконцентрироваться, и оно усиливается, спускаясь на этот мир. Весь мир воспринимается как сознание.

О, люди!

*Монахи, миряне,
вы ищете Бога?*

*Не смешите его,
пожалейте:*

*Бог во мне,
Бог со мной,*

*Бог в каждом шаге и звуке,
Бог в прасаде,
Он на столе,*

*Он в ручке, что пишет,
в листке, что лежит,
и в ваших глазах,
что читают о Боге...*

И после этого вы ищете Бога?

29 мая

*Я — царь Вселенной,
где моя корона?*

*Миров владыка Я,
где лотосный мой трон?*

*Я Будда среди Будд
и речь моя — нектар,
а стопы —
всех страдающих приют...*

Во время медитации пришло сильное чувство «Я — Бог» или «Я — Брахман». Это даже не чувство, а реальное восприятие себя как Творца Вселенной. Когда я впервые ощутил это, я едва не закричал от восторга. Такое ощущение, что одним движением пальца вы можете сотворить мир. Возвратившись в поверхностное сознание, я вспомнил, что где-то читал, что это четвертый уровень Освобождения. Ум, не действующий во время самой медитации, включается после нее, осмысливает пережитое. Мое сознание во сне не прерывается, хотя и

не такое ясное, как в обычном состоянии. Чаще всего во сне я испытываю бесконечное пространство и осознаю его с помощью сверхподсознания. В общем, во сне медитация продолжается.

1 июня

Я замечаю, что осознаю себя каждую секунду, каждый миг. Осознается каждое движение, действие, в которых я продолжаю медитировать, и это приносит радость. Контакт со сверхподсознанием не прерывается! Весь мир, кажется, переполнен блаженством и экстазом! Как же я не замечал этого! Вся моя жизнь до практики, кажется, прошла в бессмысленном, бессознательном состоянии, словно я и не жил вовсе или спал, был околдован. Снова просыпается сильное сострадание к другим людям, которые продолжают так жить, ничего не подозревая о том сокровище, которое они носят внутри самих себя.

*По золотой земле хожу,
на камни драгоценные ступая.*

*На троне лотосном сижу
с изящным телом Бога*

*И, улыбаясь подобно Гаутаме,
песнь свою пою...*

10 июня

Бог — мое сердце!

Бог — моя плоть!

Бог — мои мысли!

Бог!

Бог!

Бог!

Я думаю, что мне теперь трудно будет сохранять такое сознание, если я буду жить по-старому. Самое ценное, великое, что есть — это сознание. Однако, оно утратится, если я вернусь к обычной жизни. Мне нужно подыскать возможность, чтобы всю жизнь оставаться отшельником и соблюдать молчание (мауну). У меня нет планов на жизнь, нет прошлого, нет будущего, есть потрясающее «настоящее». Все, чего я хочу, это оставаться в нем, не утратить его любой ценой.

О, Господь!

*Не нужно мне дворцов,
учеников, ни золота, ни славы.*

Даруй мне сиддхи

Тебе лишь преданно служить

и просто быть Тобой

(то есть собой)

Сиять Тобой, себе

(то бишь другим)

на благо...

20 июня

Невероятно!

Тебя тысячи Будд

своим светом слепят

каждый миг.

Сонмы богов

мириад небес

тебе песни о Дхарме поют.

И ты еще смеешь страдать,

человек?!

Ночью я осознавал себя во сне и видел сияющую сферу Света. Сначала это были словно куски золотистого света, которые затем словно слились в один огромный шар или сферу. Я был очарован и восхищен видением. Во время снов я продолжал осознавать себя, менялся лишь мир, в котором я делал это.

23 июня

*Какое счастье,
счастье,
счастье*

БЫТЬ ВСЕМ !!!

Во время вечерней медитации и самадхи пришло очень четкое осознание иллюзии себя как личности и того, что все мы слиты в Каузальном мире, т.е. что имеем общее сверхсознание. Следовательно, потери, расставание, смерть — все это иллюзия. Глубоко внутри мы едины на уровне сознания. Вот то, о чем говорил Будда в «Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутре»: «Заблуждается тот, кто говорит, что Татхагата приходит и уходит, ибо Татхагата ниоткуда не приходит и никуда не уходит».

*И мне немного как-то жаль,
что Атман на земле
играет в паранойю.*

*Болтает о себе Он
сам с собою...*

Это вспыхнуло в сознании молнией, а словами это передать трудно. Такое чувство, что хочется кричать: «Как же я раньше этого не замечал! На что я тратил свою жизнь?! Ведь оно здесь есть и всегда было. Это бесконечное сознание, переполняющее вас экстазом, и его не нужно достигать, его нужно лишь открыть в себе. Это словно ожерелье на шее, которое вы ищите где-то вовне и думаете, что потеряли. Оно уже есть и никуда не девалось!» Это же хочется крикнуть и другим людям: «Что вы делаете, на что тратите свою жизнь? То, что вы ищите, уже найдено. Есть абсолютные счастье, свобода и радость. Бросьте свои игрушки и медитируйте!»

*О, человек!
Не хочешь следовать за мной?*

*Ну что ж,
тебя люблю таким я.*

*Играй страдальца и глупца,
перерождайся, вновь играй,
а надоест — начни мою игру...*

25 июня

*По нити тонкой,
по золотому лучу,
одежд сверкая золотом,
ко мне спустилась мудрая богиня:
«Что ищешь, йогин, ты?» —
чаруя голосом, так ласково спросила.*

*Богатства не ищу,
ни почестей, ни славы.*

*Не нужен мне дворец,
ни женщин сладкий взор.
Лишь Атман — мой возлюбленный,
лишь Атман — моя слава.
Зачаровал, увлек в дворец свой золотой:
«Пойдем, пойдем со мной скорей,
вдвоем там веселей!»!*

Во время медитации и сна часто общаюсь с богами-покровителями. Они дают мне много советов и говорят, что произойдет в будущем.

*Боги меня пригласили
на золотой лотосный трон
в сиянии славы
и тысячи радуг-лучей.
Я же не понял вначале,
начал ходить вокруг него
и тряпкою пол протирать...*

26 июня

*Ни жив, ни мертв,
безмолвен я и тих.
Меня уж нет...
Я — просто вечный, юный,
непрекращающийся стих...
Во тьме слепящей,
в звонкой тишине,
везде мой дом теперь...
И нет его нигде.
Я — путь земли,
Я — музыка планет,
Я — мягкий блеск
в ночи сияющей луны
и солнца жизни вечной жаркий свет.*

Новый опыт, не испытываемый ранее. Раньше свет во время медитации и покидания тела был очень ярким, а сейчас вспышка ярко-ярко-белого света, словно лазер. Верхний Мир Без Форм! Я погружаюсь без страха в этот свет, пытаюсь удерживать сознание. Это мне удастся, но ненадолго. Чем дальше продвигается практика, тем сложнее описывать опыты.

Мышление и язык — очень громоздкое и неуклюжее орудие для описания тонких опытов без форм.

30 июня

*Я лоб чешу
и Млечного Пути касаюсь.
Я говорю,
и звуки достигают до небес.
О, как велик я!
Я — Атман!
Атман!
Атман!*

Я медитировал помногу каждый день, отвлекаясь лишь на еду и ходьбу. Во время ходьбы медитация продолжается. Этот мир — он словно не существует, словно иллюзия. А я в прошлом, до практики, куда-то исчез. Я понимаю, что утратил обычные человеческие чувства и сознание.

Сейчас я живу, используя это тело на двух ногах. Но вообще, я — не человек, я — бесконечное сознание. Теперь я вижу в других это же сознание и удивляюсь, как они не замечают его, ведь оно так же явно, как солнце. Теперь я понимаю, что нахожусь в каждом существе, играя разные роли в различных телах.

*Ученики,
монахи,
миряне,
посетители,
случайные прохожие,
меж мной и вами нет отличия.
Лишь болтовней ума
со мною вы
не схожи...*

Зная это, я не испытываю ни малейшего желания в общении: кто и с кем будет говорить? Если я везде, то это болтовня с самим собой. А это даже с точки зрения обычных людей ненормально.

Приходил С., ему было разрешено повидаться со мной впервые за практику. На его вопросы я не мог отвечать, только смеялся. Своими разговорами он уходил все дальше от своего подсознания, которое я видел в нем. Похоже, он ушел сконфуженным.

*О, люди!
Не друг я вам,
и не мудрый собеседник,
и не партнер
по многочисленным делам.
Я — Атман, Атман, Атман!
Я — вы.
Если вы поняли,
тогда и друг,
и собеседник,
и партнер...*

Шестой месяц третьего года уединенной практики

Кажется, прошло лето. Я постоянно медитирую, все как обычно: Нектар, остановка сердца и дыхания, перенос сознания в Мир Без Форм. Это стало естественным состоянием. Правда, в медитациях есть свет, но иногда его нет. Это зависит от состояния и концентрации. Ушла привязанность ко всему, что имеет имя и форму. Ведь все это сильно ограничивает, даже

высшие Миры Небес. Появляется почти отвращение ко всему, что имеет форму: образы, предметы, звуки.

Пустота — высшее блаженство. У меня единственное желание — углублять его, ни на что не отвлекаясь. Когда я отвлекаюсь, сознание тускнеет. Я часто испытываю мир, пограничный между Миром Форм и Миром Без Форм. Здесь двойственность есть на тонком уровне, а форма преодолена. Я пребываю в этом мире как сознание, пытаюсь все глубже проникать в него. В этом мире противоположностей не существует, они слиты. Представьте, что вы можете воспринимать слитно круглый квадрат, или конечное в бесконечном.

Этот мир относится к аджна-чакре, его символом в тантре является Ардханаришвара — Шива в образе полуженщины и полумужчины. Субъект и объект здесь в стадии слияния. В даосизме этот мир обозначается знаком Инь-Ян. Хотя этот мир ниже, чем Мир Без Форм, он изумляет, когда вы впервые входите в него. Уму такое представить не под силу, это мир парадоксов и выхода за пределы форм. Думаю, что художники-абстракционисты черпают свое вдохновение, немного контактируя с этим миром.

*Ты — в тысячах звезд,
Ты — в мириадах вселенных,
Ты — свет нерожденный,
Ты — Дух нетленный!
Ты есть ТО!
ТАТ ТВАМ АСИ!*

5 июля

Новый опыт углубления сознания. Концентрируюсь на Мире Без Форм в падмасане, почти сразу вхожу в него. Сегодня сознание ясно, энергии больше, чем обычно. Чистое, без мысли, сознание распространяется во все стороны, принося наслаждение. Неожиданно, следует словно сбрасывание еще одной оболочки с моей души, сознание становится необыкновенно тонким — меня уже почти нет. Чувства «Я — Бог», света, ощущения бесконечного пространства уже нет. Нет даже экстаза, радости, блаженства. Есть лишь превосходящая все, знающая все Пустота. Она бесконечно глубока, тиха, молчалива, словно черная дыра, словно теряешься в безбрежной пустыне.

Это новое состояние. Я не знаю, что с ним делать. Я не могу его контролировать. Будто моей души здесь нет. Одновременно я наполняюсь невыразимым чувством вечности и покоя, чувствую себя несуществующим. Также приходит ясное сознание того, что на этом уровне нет смерти. Вернее, все равно, в каком состоянии быть: проявленным или непроявленным, без тела, ума или чувств.

*Извините, люди!
Ведь я вас надувал.
За нос водил искусно,
чужие роли
в этом теле я играл
для блага вашего ...
Сейчас я вам открылся:
Я — Атман Нерожденный,
нет у меня имен ...
В телах сияющих без счета
я сверкаю!*

Этот новый опыт потрясает меня.

Через некоторое время я мягко выхожу из этого мира.

Мне требуется время, чтобы вернуться в привычное состояние и заставить себя думать.

Крышку от чайника

держу я в ладонях,

а также и небо,

и горы, и звезды...

В сутрах это описывается как состояние «ни познания и ни непознания». Это четвертый уровень Мира Без Форм. За ним — Нирвана.

7 июля

Золотой дымкой окутался мир

и стал призрачной тенью.

Оцепенело тело.

Онемели уста.

Остановилось сердце.

Забился и затих ум.

Слепящая белая вспышка,

золотой вихрь

и черная бездна,

За ними — Ясный Безграничный Свет...

Он тысячи солнц,

мириады миров и планет поглощает,

и все это — я!

Джая!

Джая!

Джая!

Мне пока не удастся повторить этот глубокий опыт.

Однако, был потрясающий опыт с грубым телом. Удалось поднять грубую энергию Кундалини за счет концентрации и медитации, раньше у меня это не получалось.

Как вы знаете, существует три типа Кундалини.

Первая — Кундалини тепла. Она не очень приятная, горячая и может вызвать температуру тела. Она присуща физическому телу.

Вторая — Кундалини ветра, в астральном измерении. Она мягкая, приятная и прохладная.

Вибрации вызывает Кундалини света, энергия очень тонкая, характерная для Каузального мира.

Грубая движется по сушумне, тонкая по астральному каналу ваджра-нади, Кундалини света — по читрини, еще более тонкому каналу внутри сушумны и ваджра-нади. Есть также брахма-нади, который, считается, еще ближе относится к Истинному «Я» и находится в еще более тонком состоянии.

Итак, я приступил к медитации, делая это еще интенсивнее обычного. Через полтора часа я стал чувствовать вибрации в муладхара-чакре. Я продолжал концентрацию на внутреннем чувстве «я» изо всех сил.

Это один из видов медитации самоисследования, которую практикуют различные школы индуистской и буддистской тантры. Этой же великой практике посвятил свою жизнь Рамана Махариши.

При ослаблении концентрации приходилось себя подбадривать: «Это еще не предел, еще немного!» Так мне удавалось поддерживать концентрацию на Истинном «Я» примерно девяносто минут. При этом старался удерживать сознание в теле.

Сначала начался процесс циркуляции энергии, потом появилась испарина. Хотя в комнате для медитации было холодно, я обливался потом. Началось туммо (процесс разогревания тела, характерный для грубой Кундалини). Неожиданно я почувствовал слабость, сердце сильно забило, я не контролировал этот процесс. «Так можно и умереть», — подумал я. Сильный жар поднялся из копчика вверх. Энергия была грубой и неприятной. Внутренним зрением я увидел, как серебристо-белая спираль словно змея взвилась вдоль позвоночника. Вспыхнул белый свет в области затылка, в горле запершило, начался кашель.

Когда энергия дошла до макушки, вспыхнул оранжевый свет, я утратил ощущения этого тела, этот мир исчез. Сердце остановилось, я усилием воли ослабил грубую энергию и опустил ее. У меня и раньше были подобные опыты, но достигались они за счет техник и мантр. На этот раз только за счет одного сознания, медитации. Можно сказать, что сахасрара-чакра вынудила грубую энергию подняться из самого низа позвоночника. Я редко получал опыты грубой Кундалини, чаще всего испытывая Кундалини в Астральном теле, она мягкая, приятная и не горячая. Она поднимается плавно, упругой волной. За счет нее я совершаю астральные путешествия. В это время иногда вижу цвета пяти элементов. Поскольку прана и ум связаны друг с другом, было естественным получить опыт подъема Кундалини за счет работы сознания в медитации. Сознание стабильно. Радость и счастье приходят из ничего и сохраняются в течение суток. Вот уровень, когда медитация идет сама, где бы ты ни был.

26 июля

Снова приходил С. пообщаться со мной. Отвечая на его вопросы, стараюсь удерживать состояние Пустоты, и мне это удается. Мне удается четко понимать работу сознания С. Закрыв глаза, я внутренним зрением вижу его энергию. Ее цвет синий с примесями чистых и грязных оранжевого, желтого, чистого зеленого. Это означает веру и стремление к Истине, к которым примешиваются еще сохранившиеся мирские желания.

Благодаря постоянному подъему энергии во время медитаций мои энергетические каналы (нади) очистились и расширились. Общение с С. принесло проблемы. Во время общения каналы от свадхистана-чакры до вишуддха-чакры за двадцать минут засорились. Я почувствовал себя скверно. Хотя С. был монахом и с точки зрения обычных людей имел мало мирских желаний, на меня они сильно повлияли. Это связано с тем, что у С. много энергии.

Когда он упомянул человека, к которому у него привязанность, у меня завибрировала анахата-чакра. Было ощущение, словно туда вливается что-то вязкое — энергия привязанности. В аджна-чакре замелькали сцены привязанности. То же произошло и с вишуддхой. С правой стороны горла образовалась «пробка». Я понял, что С. так и не избавился от своей проблемы грубой речи. Почти одновременно немного низкой энергии вошло в манипура-чакру, доставив неприятное жжение в области солнечного сплетения, затем — свадхистана-чакру. С., попрощавшись, ушел, а мое состояние энергии значительно ухудшилось, хотя сознание оставалось ясным.

Раньше я всегда терял стабильность сознания и страдал при засорении каналов. Ощущение счастья относится к Истинному «Я», которое находится в сахасрара-чакре. Сознание находится в сахасраре, если есть достаточно праны. Если же прана блокируется засорениями в каналах, возникают сильные мирские желания. Это происходит из-за того, что ваше сознание не может находиться в сахасрара-чакре. Один йогин так отозвался об обычных людях, не практикующих Путь Просветления: «Пульсирующие сгустки сильных желаний».

Весь следующий день я очищаю каналы. Моя концентрация на Пустоте и Истинном «Я» слегка ослабла, хотя чувство отрешенности и безмыслие (унмани) остаются.

27 июля

Я испытываю беспокойство из-за такой повышенной чувствительности. Как я буду возвращаться к обычному общению? Я не желаю этого и не вижу смысла. Однако привязанность к собственному личному счастью и уединению — это тоже привязанность. Как слаба все-таки практика отрешения.

Это Каузальный мир

28 июля

Безбрежное пространство:

тысячи солнц,

радуг и мириады богов...

И все это — я!

Джая!

Я сажусь в позу для медитации. Через несколько минут испытываю чувство вращения и полета. Затем внутреннее пространство (чит-акаша) расширяется и становится объемным. Я сливаюсь с этим пространством. Именно в это время останавливается сердце и дыхание, я утрачиваю ощущение тела. Изю всех сил пытаюсь осознать бездну бесконечного пространства, в которой я парю как чистое сознание. Чем сильнее интенсивность моего сознания, тем ярче светится этот мир. Сначала тусклый белый, затем белый, слепяще-белый и золотой. Это океан бело-золотого света, в котором я растворяюсь. Я удерживаю свое сознание в этом мире.

Это Мир Без Форм. Мир фундаментального сознания, первоначало материального творения. Мир величественной основы всего сущего — иначе и не выразить. В этом состоянии нет мыслей, нет времени. Есть бесконечное, неподобное, простирающееся во все направления, светящееся пространство чистого сознания. Я сливаюсь с ним, испытывая ни с чем не сравнимые свободу и радость. Я бы оставался в этом великом состоянии вечно, однако моя концентрация ослабевает. Постепенно возвращаюсь в поверхностное сознание. Приходит ощущение тела. Я стараюсь удерживать сознание, которое было в самадхи. Это удается, хотя оно слабее в пять-шесть раз. Мир вокруг видится как нереальный и далекий. Мир заблуждений и страданий. Мир, ограниченный формой и материей. Я чувствую отвращение к нему, хотя и знаю, что это неправильно...

Смотрю на часы — прошло двадцать четыре часа.

29 июля

Бреду беззаботно я

с глуповатым выражением

на счастливом лице.

Я — добрый дедушка

и старый дурак,

*Я — владыка миров
и лев среди будд,
Я — тайна Вселенной,
Недвойственный Брахман,
исчезнувший Ум,
Сияющий Свет,
наставляющий
простых смертных,
себя о себе.
Какое чудо!
Какой экстаз!*

Живу в другом мире. Он очень возвышен и далек от обычного восприятия, повседневной суеты. Он — сама трансцендентальная Мудрость, Сознание и Блаженство. Процесс мышления затмевает это сознание, поэтому я не думаю. Вместо мышления — чистое осознание. Решения принимаются с помощью интуиции, и они безошибочны. Я испытываю сильное сострадание к людям. Они живут, занимаются своими делами, страдая и заблуждаясь, не зная себя. Ради великолепия Абсолюта стоит оставить все, и сколько бы ты не оставил, это — ничтожная цена. Ведь Истина, практика Просветления — это единственное, ради чего стоит жить.

30 июля

*Слава!
Слава!
Слава Тебе, о, Господь!
Но, Ты — это я.
Слава!
Слава!
Слава мне!
Но, прохожий, я — это он!
Слава!
Слава!
Слава тебе, прохожий!
Джая!
Джая!
Джая!*

Вот уже третий месяц нахожусь в состоянии непрерывного сознания. Словно родился второй раз. Родился не «я» (эго), а это новое сознание. В Индии брахманов называют «дваждырожденными» (двиджа). Это традиция. Но чтобы стать «двиджа» в самом деле, нужно на себе испытать это. Теперь я точно знаю, что значит быть «двиджа».

*Не в семье брахманов,
не в древности
и не в Индии,
в гуще сансары,
среди обычного люда,
спонтанно,
без всякой причины
родился сияющий,
смеющийся будда!
Чудо!*

Это новое сознание дает потрясающее чувство счастья и свободы. Я забыл, что такое страдание. Радостью, кажется, пропитан сам воздух. Любой предмет, событие приводят в восторг без всяких причин. Жизнь превратилась в непрерывный поток осознания и радости, это продолжается и во сне. Я удивляюсь, как такое состояние вообще возможно. Я никогда и нигде не испытывал ничего подобного. Ведь мы, люди, живя в этом скверном мире, свыклись с тем, что здесь есть трудности, проблемы, страдания. Это считают естественным. С точки зрения людей этого не может быть. Я почти постоянно смеюсь просто так, от счастья. Оно буквально распирает меня, поскольку медитация продолжается постоянно.

*Я должно быть выхожу с ума,
лужам радуясь весенним утром...*

*Боже мой, в воде — луна,
голубым сияет перламутром!*

Это стадия «блаженства».

Как жаль, что люди даже не подозревают об этих великих состояниях бытия, о других мирах! Они увязли в мирских желаниях, не знают Пути, живут бессознательно и страдают. А ведь прямо здесь — океан счастья. Он никогда не будет исчерпан. Нужно только практиковать изо всех сил. Во мне возникает сильное желание идти по пути Просветления ради других.

3 августа

*Узнав себя,
себе отныне славу лишь пою!*

*Я царь земной
и царь небесный.*

Я будда — среди сотен тысяч будд...

Я осознаю, насколько мое сознание оторвалось от мира людей. Ничего, кроме медитации, не существует. Даже энергетические процессы особо не интересуют. Обнаружил, что отучился мыслить в обычном понимании людей, постоянно разговаривать с собой внутри. Когда приходилось использовать ум, он был очень острым и сильным. Я использовал его для концентрации на сутрах. Это отвлекает от сверхподсознания, т.к. надо концентрироваться на внешнем. Но это необходимо для продвижения в практике.

Я концентрировался на глубоких текстах сутр о недвойственности по пятнадцать часов без особого труда. Во сне, ночью, я продолжал мыслить строками из сутр, полностью осознавая себя.

Благодаря такой упорной практике моя садхана продвинулась еще на один шаг. «Я уже есть То, будучи в Том, зачем стремиться к Тому? Все есть только То — Брахман! Я не отделен от Истинного «Я», Абсолюта!» Эго — всего лишь иллюзия, нужно отказаться от себя, отбросить свою волю и стремление к чему бы то ни было. Стать подобным сухому листу, который отдается воле ветра. Не выражать себя. Меня нет ни в этом, ни в Астральном, ни в Каузальном мирах. Все есть Бог, Высший Парабрахман!

*Посмотрите в зеркало
и поклонитесь будде,*

*Богу богов,
Владыке тысяч миров.*

Не можете?

Идите в алтарную...

Я все глубже хотел проникнуть в смысл этих слов и сутр, медитируя над ними. Моя личность, эго — всего лишь пучок фиксированных идей, чужих мнений, прошлого опыта. Она сформирована другими людьми, обществом и не является моей сущностью. Она пуста, не существует в абсолютном смысле. Нужно отрешиться от нее. Это моя личность жаждет бессмертия, Освобождения и Просветления, всего остального. Но даже эти, самые возвышенные желания — это желания моей личности.

Пока есть «я», личность, эго — Просветления не достичь! Просветление — это свобода от эго, личности. Из-за своих желаний достичь оно все усиливается, и поэтому достижение невозможно. Замкнутый круг... Это подобно желанию вытащить себя за волосы из болота.

Я терзался, не зная, как выпутаться из этих ментальных рассуждений. Нужно убить свое эго, свою личность.

Сияющий золотой Брахман

сидит на Брахмане,

держит в руке Брахмана

и пишет на Брахмане

о Брахмане

для Брахмана!

Он пишет о том,

что все есть Брахман,

что он есть все и о том,

что Он это пишет!

Мы отождествляем себя с прошлым опытом и переносим его из прошлого в настоящее через память, а в будущее — через воображение. Так поддерживается иллюзия нашей непрерывности на уровне поверхностного сознания. Мы каждую минуту отождествляем себя с какой-то ролью в этой жизни, поэтому мы вынуждены совершать поступки, мы забываем о своей истинной природе. Причина порождает следствие. Тюрьма — в нашем сознании. Мы сами сковываем себя прошлым опытом. Оставь прошлое, свой опыт, откажись от своего «я», будь здесь и сейчас — и придет свобода!

Неожиданно словно вспышка пронизала все мое существо. Я нашел! Я знаю, что меня нет. Это очень тонкое ощущение на уровне сверхподсознания. Оно буквально перевернуло все внутри. Это словно нейрохирургическая операция на сознании. Ум пришел в замешательство от того, что обнаружил, что его нет и никогда не было. Существует только Всевышний Источник, Абсолют, Парабрахман. Я был в невежестве, считая себя отдельной личностью, отдельной от него и других людей. Ум сформировал ложный центр, который называется личностью, индивидуальностью. Из этого центра он выносит суждения, которые всегда ошибочны, т.к. в их основе лежит неведение (авидья).

В хрупком теле,

в недалеком уме,

среди людей мира сансары,

копошащихся в нем, —

вспышка белого ослепительного света

переросла в золотой океан,

и запылало небо тысячей

пятицветных радуг,

*и загрохотало,
зазвенели тысячи мелодий,
и тысячи богов запели:
«Ки-Джая!»
и спустились с небес
выразить радость!
И тысячи душ
воплотились на земле,
чтобы следовать Великой Дхарме,
и стать
учениками
Океана
Золотого
Света...*

Проявлять свою волю — значит усиливать это неведение. Выражать себя — уходить от Истины.

Теперь я знаю, что заблуждался в самом основном, самом главном! Это не просто слова, это — переворот в сознании. Личность исчезла навсегда. Шок, потрясение, Просветление — эти слова не совсем отражают процесс, происходящий в сознании. Слово огромная скала свалилась и освободила проход для родника. Это переживание ошеломило меня и захлестнуло своей простотой и невозможностью постичь его на уровне поверхностного сознания.

*Нетленный Свет,
Нерожденный Ум,
бездна миров
и чудо чудес,
величие тысячи будд
и мудрость, Учение всех кальп,
прямо сейчас — в тебе.
Тат Твам Аси!*

Это было самым мощным, глубоким изменением за шесть месяцев практики. Хотя с точки зрения энергий все было довольно обычным — ни остановки сердца и дыхания, ни покидания тела. Это то, что сейчас определяет мою жизнь.

*В этот день
тысячи будд спустились,
сверкая, на землю.
Это увидели
риши и сиддхи.
В это утро
воплотились мириады богов,
в один миг проявились
дворцы их со свитой —
этот мир превратился в небеса!*

Если нет личности, нет «я», если вы поняли и пережили пустотность себя, то кто будет страдать, кто будет достигать Просветления? Это кажется парадоксальным, но Просветление приходит, когда мы отказываемся от «я», которое ищет Просветления. Теперь нет тебя и других личностей, есть одно бесконечное сознание, одинаково присутствующее во всем.

*Ну, что ж?
Теперь Я — Он!
Ахам Брахмасми!
Я есть То!
Со-Хам! Хам-Со!
Что делать мне теперь?
Играть и петь,
об этом лишь играть и петь,
о том, кто я такой ...
Ведь я такой чудесный!*

С тех пор у меня нет желания общаться с кем-либо, выражать свою волю. Я знаю бессмысленность всего этого, и если приходится это делать — только ради других. Это — игра.

*Я — Атман!
Ты — это Я!
Пойми и все!
А лишние к чему еще слова?!*

Нечего желать, не к чему стремиться. Это состояние абсолютной полноты, завершенности, удовлетворения. Каждое мгновение прожитой жизни — совершенно. Каждое существо обладает Природой Будды, в каждом — Абсолютное Высшее Сознание. Все — Просветленные, преданные Абсолюта, божества и святые!

Последнее открытие: сансара — это Нирвана

13 августа

*Меня окликнул кто-то,
вдруг узнав в толпе прохожих,
и, поздоровавшись, сказал:
«Молодой человек!»
и поинтересовался ходом моих дел.
Я ответил:
«Извините, но молод я,
как молоды земля и небо,
а человек я
также, как и Бог;
И дел, забот у меня много:
творить спонтанно целые миры,
вот я и сделал толпу прохожих,
рынок, вас, себя и этот разговор...*

Все, что я делаю в последнее время — медитация сидя и при выполнении техники ходьбы в созерцании. Я выполняю две-три техники, медитацию Пустоты, Атма-вичару и две техники

ходьбы. Хотя я сильно стремился к Просветлению и опыту Природы Ума, я не осознавал, насколько они переворачивают сознание, не подозревал, насколько непостижимы состояния самадхи Мира Без Форм, опыты недвойственности и переживание Истинного «Я». И одновременно эти состояния очень близки. Мы уже каждый имеем их. Однако, из-за нашего невежества, захваченности мирскими желаниями, ложными взглядами мы не подозреваем о них. Так мы влачим жалкое существование в мире страданий, рождаясь и умирая.

Я так благодарен Святым и Учителям, которые руководили мной. Фактически, я — обычный человек, имеющий много желаний и эгоцентрических идей. Благодаря Учителям я сумел испытать состояния, описанные в сутрах и шастрах как высочайшие, состояния слияния с Абсолютом. Мое сознание очень изменилось за это время. Оно полностью другое. Превысив «я» куда-то исчез. Ходьба, прием пищи — словно это делает кто-то посторонний. Внутри поселилось безграничное сияющее сознание Пустоты и покоя. Это — сверхподсознание. Оно наблюдает за всем. Оно не покидает меня ни на миг. Однако, бывают периоды, когда оно тускнеет, если я много общаюсь с другими, и происходит обмен кармой и энергией в Астральном теле. Во время сидячей медитации и ходьбы оно усиливается.

Последние опыты я получил в конце шестого месяца третьего года практики.

Сентябрь 1994 г.

*Слушайте грохот и гром
с Великих Небес!*

*Замкните уста
в благоговейном смирении!*

*Фанфары, приветствуя,
громко звучат,*

*говорит будда:
«Ахам Брахмасми!»*

Это было в обычном, т.е. бодрственном состоянии. Вначале была длительная медитация. Я был в состоянии величественного безграничного покоя. Он все глубже вливался в меня, пока я не утратил ощущение тела и времени. Я погрузился в невыразимое состояние Пустоты и Света, полностью растворившись в нем.

В этом состоянии я пробыл около часа, хотя чувства времени не было. В этом состоянии нет вчера, нет завтра, есть только здесь и сейчас. Это — исток всего, абсолютное, тотальное переживание настоящего момента. Каждый миг здесь настолько полон и абсолютен, что ум не может думать в категориях времени и останавливается.

После сидячей медитации я занялся медитацией, выполняя технику ходьбы. Это состояние полностью сохранялось, несмотря на то, что я воспринимал внешние объекты и ходил. Мир ощущался как бесконечно далекий и нереальный. Величественный, бесконечный океан Света и Пустоты! Я ощущал его прямо где-то над головой и продолжал осознавать каждый миг. Тела почти не ощущалось, я был больше «там», чем в теле. Люди, улицы, деревья, горы — все выглядело словно бутафорские украшения.

*Я иду —
вокруг танцуют боги,*

*вся земля сияет
золотом небес,*

*над головою —
радуг тысячи лучей,*

*и бог танцует
в золото одетый,
сверкают своды,
купола, чертоги,
святые мне хвалу поют,
а я иду
в толпе людей...*

В это время я всегда вспоминал, почему Шанкара называл этот мир иллюзией. Да, тот мир, которое сотворило наше сознание: мир дуальностей, субъектов и объектов, мир фиксированных идей и грубых объектов — это ничто по сравнению с этим Изначальным, Абсолютным Миром. Он лишь его бледное отражение.

Однако, отрицать проявленное, концентрируясь лишь на Великой Пустоте — это неполная духовная реализация.

*Крупницы света,
падающие с неба,
повсюду золота лучи,
боги, будды,
их бесчисленные свиты,
колесницы,
чарующие звуки музыки,
троны, лотосы и балдахины,
дворцы и радуги
под куполом
ясного безбрежного неба.
С тех пор
я не вижу другого...*

Я концентрировался на окружающих объектах, шагах, пытаюсь совместить несовместимое: ощутить полную реальность этого мира и сохранить это сознание безграничной, изначальной, блаженной, ничем не ограниченной Пустоты. Тот океан чистого Сознания, который я всегда носил над головой, начал опускаться и окутал все окружающее. Он, казалось, пропитал насквозь этот мир, который я раньше не замечал и отрицал. Неожиданно сразу все вокруг изменилось, словно наложение двух картин дало эффект интерференции, дав голографическую глубину и перспективу. Этот мир словно засиял, засветился изнутри чем-то бесконечно чудесным и непостижимым.

*Меня боги осыпают
золотой листвой
гирлянд небесных,
мне, недостойному,
хвалу поют,
я же смиренно
богов почитаю...*

Было так, словно к нему присоединилось еще одно измерение — внутреннее осознание. Окружающие предметы воспринимались не зрением, слухом и осязанием, а сознанием! Грубые объекты состоят из чистого Сознания, которое словно светится изнутри. Это то же сознание, что и у меня, которое я воспринимаю в медитациях, удаляя ум от грубых объектов, погружаясь в самадхи. Каждый предмет состоит из света! Земля, дерево, цветок, камень и человек — абсолютен и безграничен! Это было очень четким и сильным осознанием. Это сильнее, чем обычное восприятие. Оно в очередной раз ошеломило меня.

*Купола, арки,
своды, дворцы,
                золото лотосов, троны,
повсюду слепящий пылающий свет!*

*Будды! Будды! Будды!
Драгоценные камни,
                музыка девов,
                        сияние шлемов,
                                гирлянды цветов!*

*Туники, короны,
                радуги в тысячи солнц,
святые, свами, риши,
                садху и йоги,
и вечная проповедь Дхармы ...*

Я остановился и сел, продолжая осознавать это новое состояние. Чем глубже я в него входил, тем большие тайны открывались мне. Они превосходили все мыслимое в человеческом уме и воображении. Я не могу пока их раскрыть в этом описании. Где-то на уровне сверхподсознания (карана-шарира) пришло четкое понимание: «Мы не отделены друг от друга. Мы являемся единой светящейся массой сознания, единой абсолютной субстанцией». Ее называют Брахманом в йоге или Нирваной в буддизме. Это подлинная сущность Истинного «Я». Индивидуальность просто фикция, ложная точка зрения, ошибочный взгляд.

*«Нерожденный?
Ты — Брахман?
                Владыка миров?
Ты очень нескромен», —
                мне кто-то сказал.
А я засмеялся,
                ведь он — это я!
Да, в его теле
                я так сам себе и сказал.*

Я рассматривал предметы самые незначительные, ощущая в них Высшее Сознание. Это приносило наслаждение. Я также научился перемещать сознание в предмет в этом мире или в астральном, сливаться с ним и понимать его сущность. Это один из видов сахаджа-самадхи. Сожалею, но сейчас я вряд ли посредством человеческого языка смогу адекватно передать эти опыты. Это был предельный пик мистических опытов, который я испытал в самом конце уединенной практики.

*Кто в силах
                описать мое величье?
                        Измерить славу мою чем?
Меж Брахманом
                и мною нет отличий!
Был я всего лишь
                маленьким собою,
А стал —
                великим и огромным Всем!*

Эти опыты сильно изменили мое сознание. Вопрос даже не в изменении, а в том, что я перестал существовать как личность, как человек. У меня нет чувств, связанных с человеческой личностью, переживаний, планов и идей. Нет страданий и всего остального, связанного с миром людей. Нет прошлого. Я не планирую будущее. Есть лишь тотальное, предельное настоящее. Это есть высшее счастье, абсолютное, не прекращающееся блаженство. Я ощущал этот мир как «не-мир», а других людей как «не-существующих». Опыт не формируется, а личность непостоянна. Хотя в общении с другими я стараюсь это скрывать, чтобы не приносить им беспокойство.

*Я хожу как Брахман,
Я говорю как Будда,
Я ем как Атман,
Я сплю как Великий Свет,
а выгляжу как человек.
Да, я велик!
Да, Брахман я!
Да, царь царей!
Владыка тысячи миров —
обыкновенный будда.
Такой же, как и вы!*

Я обрел нерушимое внутреннее сознание, независящее от внешних условий, которое сохраняется во сне со сновидениями (свапна-авастха) и во сне без сновидений (сушупти-авастха). Значение жизни, смерти, страданий удалилось.

*Не нужно больше мантр,
медитаций и поклонов,
паломничеств, пранаям
и суровых аскез
и тысячи кальп заслуг.
Все было так внезапно...
Вернее, не было меня,
На миг лишь отлучился я
и Атман, вспыхнув,
засиял и осветил
мириады тел, планет и лок.*

Духовная практика перестала быть практикой, хотя я продолжаю ею заниматься. Это теперь нечто вроде игры. Безусловно, это всего лишь ступени, за которыми открывается все новое и новое. Процесс духовного развития бесконечен, пока ты не достиг радужного тела, твой путь продолжается, об этом говорят все святые. Я иду по этим ступеням дальше. Нет такого окончательного состояния в развитии сознания.

*Мне нечего искать,
ведь я — сам поиск.
Мне нечего хотеть,
ведь я — само желание.
Мне нечего любить,
ведь я — сама любовь.
Мне нечему учиться,
ведь я — Учений суть.*

*Мне не к чему стремиться
ведь всех стремлений я —
заветный плод.*

*Я просто есть!
Я есть и все!
Я есть все...*

Появилась способность входить в самадхи не за счет энергии Кундалини, как раньше, а за счет силы сознания. Это более тонкое и стабильное состояние. Сейчас я употребляю слово «я» в значении как «не-я», подразумевая под ним не свою личность, а безграничное сознание, использующее эти ум и тело в качестве инструментов.

*Существа в сансаре —
страдают,
а я — хохочу.*

*Эй, смейтесь со мною,
я вас научу!*

Безусловно, я не испытываю страданий в человеческом смысле, хотя, пока у вас есть тело, вы почувствуете боль на уровне физического тела. Если я оставлю тело, то войду в Нирвану.

*Мой голос —
каждой мантры суть,
моя походка — грация божеств,
мой ум — великих риши путь,*

*а я все прячусь,
чью-то роль играю...*

*Не буду больше я играть
и всем открыто заявляю:
«Ахам Брахмасми!»*

*Лишь эту песнь теперь
я буду петь!*

*Тогда и вы поймете:
«Ты есть То!»
«Тат Твам Аси!»*

Последнее переживание также изменило планы в духовной практике. Мне пришлось отбросить последнюю привязанность — одиночество и уединение. Высшим достижением в йоге считается допущение восприятия при неформировании опыта (самоосвобождение).

*Весь мир — лишь грезы,
я сплю наяву
и во сне своем
спящих бужу.*

Когда вы испытываете восприятие, то ваше состояние Пустоты подвергается серьезному испытанию. Быть в естественном самадхи, в Пустоте среди грубых объектов, совершая поступки тела, речи и ума — вот высшее достижение!

Именно поэтому, отбросив себя, отбросив привязанность к собственному свободному состоянию, я прекратил уединение. Мне пришлось также отбросить планы пожизненного отшельничества. Это был серьезный шаг для меня.

Я не в силах молчать:

**Атман — тот, кто во мне,
так сияет и слепит!**

Он везде,

**Он со мной,
Он в тебе...**

Практика обучения — лучший способ отбросить себя, помогая другим. Я бы хотел обратиться ко всем, кто читает описание этих опытов.

О человек,

мне не завидуй.

Не унижай себя,

ведь я есть ты!

Будь!

**Просто будь
самим собою,
то есть мной!**

Поскольку язык слов вообще неадекватен для передачи высоких состояний сознания, а вместе со словами всегда приходит искажение, поэтому то, что описано — это бледное отражение реальных опытов самадхи. Я приношу извинения за косноязычие.

«Ты — будда?!

Ты — бесконечный Брахман?!

Ты — Атман?

Ты — воплотившийся Бог?

Ты — золотой океан

без начала?

О, монах, ты очень нескромен», —

однажды мне кто-то сказал.

Ха-ха-ха!

Но кто-нибудь видел скромного Бога?

А слышал раскаты тихого грома?

О, люди, скажите,

бывает ли молния тусклой?

Несчастный, где же ты видел

мелкий океан?

Покажите мне блеющего льва

и писклявого тигра.

Покажите мне нежный ураган

и прохладный огонь,

Найдите мне мягкий алмаз,

дешевое золото

и маленькую бездну!

Может быть, тогда...

О люди, будьте нескромны!

Будьте со мной —

Всесияющим Светом!

*Будьте со мной —
без конца и без края
бездной слепящей!*

*Будьте со мной —
золотым океаном!*

Будьте же тем, кто вы есть!

*Ну, смелей!
И радуйтесь!
Радуйтесь
вместе со мной!*

Не обладая ни знанием текстов и философии, ни писательским даром, я все же взял на себя смелость изложить эти опыты и описал их немного сумбурно, как мог. Сделал я это не ради тщеславия, а только лишь для того, чтобы вдохновить в практике бесчисленных существ из мира людей, страдающих от неведения и искренне ищущих Путь Пробуждения.

Те восхваления, которые встречаются рядом с «Я» относятся не ко мне как к личности, а к Абсолюту, Трансцендентальному «Я».

Принцип мистической передачи

Как известно, в ведической традиции, йоге и тантризме очень важен принцип передачи.

Передача — это мистический процесс, который возникает между Гуру, владеющим Учением, и преданным учеником через самайю.

В отношениях между Гуру и учеником огромную роль играет связь — самайя, обязательство, заключенное между Гуру и учеником, когда ученик вступил на путь и принял его как своего Гуру.

«Небольшой» связи-самайи — не существует. Она или есть или ее нет. Если она есть, то есть вера, преданность и чистое видение, которые рано или поздно перерастут в реализацию.

Самайное обязательство между Гуру, учеником и Учением задает главное направление для всей жизни садху. Без этого обязательства не исключено, что человек, не имея истинной реализации, начнет создавать собственную, упрощенную версию божественных учений и ослабит их силу и действенность.

Основная идея обязательства-самайи — это преданность, вера и полная самоотдача. Учения следует охранять от тех, кто нарушает самайю, правила чистоты и секретности, поскольку, относясь к учениям недолжным образом, они обязательно внесут в них собственные взгляды, различные примеси и передадут их тем, кто не способен практиковать. В результате те, кто их практикует, не обретут знаков реализации.

Передача происходит от Гуру к ученику, или от божественного существа к искреннему садху.

Если вы не умеете входить в савикальпа-самадхи и у вас нет заслуг, чтобы общаться с божествами, вам, разумеется, согласно традиции, прежде чем начать тапас, нужно искать Учителя-гуру в физическом теле и получить от него дикшу, передачу, становясь самайным учеником.

Если же вы с тонким миром «на ты» и ваша великая заслуга прошлых воплощений позволяет это, то вы можете напрямую контактировать с видьядхарами — держателями

священных учений, с просветленными существами древности, и получать от них полноценные передачи, так же как древние святые и сиддхи.

Разумеется, это произойдет не сразу. Сначала вы будете более чем тщательно проверены ими на годность к передаче и должным образом испытаны. Если вы не готовы или не подходите, то нет ни одного шанса «уговорить» их или как-то «провести» этих божественных существ. Они ведь, обладая всеведением, прямо видят вашу готовность, веру, внутреннюю сущность, мотивацию и способность хранить обязательства. Думаю, 99 из 100 современных западных садху не смогли бы пройти подобные проверки и испытания, уж очень это все непросто, хотя я буду рад ошибиться именно в этом случае.

После проверки и испытаний вы войдете в число счастливых обладателей знания, тех, кто может получать учения, непосредственно общаясь с видьядхарами — хранителями Учения. Отныне они возьмут вас под свое покровительство, и будут учить, помогать, наставлять своими советами. При этом вы не становитесь их учениками, так как живете в разных мирах, но вы принимаете всю полноту самайных обязательств по хранению, практике и передаче Учения.

Самый известный пример мистической передачи в ведической традиции описан в Катха Упанишаде. Юный сын жреца Начикетас после испытаний терпением и дарами получил от Ямараджи передачу в таинство особого ритуала, названного его именем Начикета-агни, и прямую передачу в учение об Абсолюте — Брахма-видью.

В истории есть множество интересных рассказов о подобных передачах, например о передаче знаменитой мантры от Богини Гаятри, которую получил риши Вишвамित्रа во время тапаса в Гималаях. О передаче, которую получил Арджуна от Шивы, Индры и других богов после сурового тапаса. О передаче, полученной от Шивы йогом Минонатхом. О том, как махасиддха Тилопа получил передачу состояния природы ума от Царицы дакинью.

Известна история о передаче, которую получил в XIX веке святой Рамалинга Свамигал от бога Картикейи, явившегося в зеркале. Есть также история о мистической передаче силы от бессмертного Бабаджи, которую описывал Свами Йогананда Парамахамса и святой Лахири Махасайя.

Глава всемирной организации «Гаятри Паривар», доктор Пранав Пандья в беседе рассказывал мне, что в начале XX века такую мистическую передачу в мантру Гаятри и брахма-джняну от бессмертного сиддха через тонкое тело получил его Гуру — основатель массового индийского движения, пророк, святой, ученый и философ Шри Рам Шарма Ачарья, когда практиковал тапасью в Гималаях.

Большинство тантрических учений были переданы подобным мистическим образом. Прямая передача означает, что вы получаете не только слова тайных учений или методы, а реальную волну благословения и недвойственного сознания, которая будет созревать внутри вас до полной реализации.

Святые мудрецы, боги и божества всегда присутствуют незримо рядом с нами, и готовы благословить нас, но мы не можем установить связь с их мудростью, так как находимся в ином кармическом видении. Но, если йогин обладает духом истинной самайи, владеет секретами управления своим видением, он может проникать в измерение богов и святых и получать подлинные передачи драгоценных учений, несущих людям освобождение.

Божества, святые, сиддхи, видьядхары всегда незримо благословляют и поддерживают нас, пристально наблюдая за тем, что происходит здесь, на земле.

Мне в этой жизни также выпала честь получить передачу знаний от своего Гуру, от множества святых Учителей, как в нашем мире, так и в тонком, от божественных существ, сиддхов, видьядхаров и дакинью.

Я храню в своем сердце, как великую драгоценность, более десяти таких главных линий различных недвойственных тантрических учений-передач и бесчисленное число малых, которыми делюсь с теми учениками, кто имеет со мной глубокую самайную связь и уважает дух передачи.

Встречи с божественными существами

Встречи с божественными существами — неизбежная часть нашего духовного пути.

Если мы ведем духовную практику, то рано или поздно начинаем встречаться с существами из других измерений — божествами, хранителями нашей Вселенной, духами, бессмертными сиддхами, небесными танцовщицами — апсарами, хранителями знаний — видьядхарами, небесными музыкантами — гандхарвами, тантрическими волшебницами или дакинями и т.д. Все они — часть природы, нашей Вселенной. Это сверхразумные живые существа, которые были задолго до появления человека на Земле. Все они — проявление неземного божественного разума, который содержит великие тайны и потрясающие сокровища, который всегда будет недоступен простым смертным — людям из-за их ограниченного сознания.

Возможно, кто-то не поверит в то, что здесь описывается, в существование других миров, божественных существ, бессмертных и сиддхов. На это я отвечаю: каждый может проверить это сам на своем личном опыте. Нужно только преодолеть свой скептицизм, безверие, лень и усердно начать заниматься духовной практикой йоги под руководством опытного Учителя.

Начните духовную практику, не откладывая. Перейдите на вегетарианское питание, оставьте хотя бы на восемь лет ваши развлечения, телевизор, светские новости, общение с друзьями. Вставайте с рассветом, делайте ежедневно асаны йоги, пранаямы, мудры, начитывайте мантры, ведите ежедневно усердную медитацию, направляйте свой ум на святых и божественных существ, призывайте благословения своего Гуру. Возьмите себе за правило — каждый день изучать священные тексты, такие как: «Йога Васиштха», «Трипура Рахасья», «Авадхута Гита», «Вивека Чудамани». Живите таким образом в уединении месяц, шесть месяцев, год, два или три, соблюдая молчание, и вы откроете, обязательно откроете для себя таинственный духовный мир, обнаружите другую реальность, в которой есть боги и демоны, духи и ангелы, в которой тонкое тело так же реально, как и физическое.

Для меня все эти опыты — абсолютно реальны, так же как реален наш земной мир. Я считаю, что это самая важная часть моей жизни, в каком-то смысле они создали меня нынешнего, того, кого называют сейчас Свами Вишнудэвананда Гири. Именно они определяют мой нынешний жизненный путь, являясь для меня самыми ценными воспоминаниями.

Здесь я приведу лишь очень малую, мизерную часть этих опытов, предпочитая умолчать о другой, гораздо большей части, следуя мудрому высказыванию святого сиддха-йога Ним Кароли Бабы: «Богатство, садхана и жена: если о них много говорить с другими — исчезают».

Нравится это кому или нет, но таковы законы духовной жизни, и я их всегда уважал, уважаю, и буду уважать. Мир садху, садхана — это сакральное измерение, тайна тайн, и его нельзя сильно выставлять напоказ.

Материализация мангала-сутры

Однажды в 1995 году, когда мое тонкое и энергетическое тела были истощены из-за постоянных препятствий, идущих от мыслей других людей, связанных со мной, я решил отправиться в тонкий мир, чтобы получить помощь от дружественных мне духовных существ. Я попал в страну, где жили одни женщины-волшебницы, дакини, которые владели разнообразными сиддхи. Некоторые из них имели огромные тела по сравнению с человеческим — два, три, четыре метра. Их энергия также была гораздо выше человеческой.

Побродив по этой стране, я по совету других нашел дакини, которая занималась целительством и предсказаниями. Она сидела в большом зале, окруженная разнообразными магическими предметами, смысл которых был мне непонятен. Поприветствовав ее, я обратился к ней с просьбой помочь мне восстановить жизненную силу и защитить свое тонкое тело. Дакини взяла частицу моей энергии, превратив ее в красную капельку, затем ее язык превратился в трубочку, она погрузила его в эту капельку и подула. Капелька надулась, увеличившись в размерах и приняв форму, напоминающую сердце. Внутри этой капельки были видны образы будущего и ответы на мои вопросы. Затем дакини взяла белую нить и повязала мне на правую руку, сказав, что это мангала-сутра и она отрегулирует мою жизненную силу.

Поблагодарив дакини, я вернулся в тело и обнаружил эту нить на своем запястье в физическом теле. Я носил ее до тех пор, пока она сама не оборвалась. Моя энергия восстановилась, и за это я благодарен волшебнице-дакини.

Встреча с виманом

Однажды, выйдя из тела, я обнаружил пространство, которое было насыщено сильными чужеродными вибрациями. Эти вибрации были тонкими и создавали мощный гудящий фон. Пытаясь обнаружить их источник, я сосредоточился и полетел к их центру. Я оказался внутри огромного ангара. В этом ангаре стоял настоящий виман — космический корабль, на котором передвигались божественные существа.

Виман имел обтекаемую дисковидную форму и состоял из серебристого металла. От него шел мягкий свет. В центральной части диска я увидел сияющую надпись на незнакомом языке, буквы напоминали санскрит. Эта надпись излучала особую гудящую и как бы жужжащую вибрацию. Она словно была семенем, семенной мантрой этого вимана.

Вибрация мантры и создавала гудящий фон.

Я стоял буквально в трех метрах от поверхности вимана, рассматривая его с благоговейным восторгом. От него исходило нечеловеческое грозное величие, и все время, пока я стоял, меня не покидало ощущение божественной мощи, силы и какой-то нечеловеческой чужеродности. Я понял, что этот виман имеет какую-то связь со мной, и вибрация предназначалась для меня. Поэтому, сосредоточившись, я как бы впитал ее, запомнил вибрацию мантры своим тонким телом, чтобы в будущем через нее находить этот виман и связываться с ним из любой точки пространства.

Полет на вимане за пределы Земли

Однажды, когда я путешествовал в медитации в тонком теле, некие неземные существа, которые передвигались в тонком космическом пространстве на вимане, вступили в мысленный контакт со мной. Они предложили показать мне окрестности солнечной системы.

Сначала я общался с ними мысленно, затем они появились прямо передо мной, как светло-серые человекообразные фигуры внутри вимана. В тот же миг, когда я мысленно дал согласие, я был втянут внутрь корабля и обнаружил себя в небольшом помещении, напоминающем научную лабораторию. Если бы это произошло в физическом мире, наверное, я был бы очень удивлен и хорошо бы подумал, прежде чем принимать такое предложение. Но в тонком теле я уже давно разучился удивляться чему бы то ни было, потому что тонкий мир сам по себе чрезвычайно загадочен, мистичен и таинственен. В нем не имеют значения условности и законы нашего земного мира, там важны твой уровень осознанности и твоя энергия. Каждый там виден таким, каков он есть в реальности.

Снаружи виман казался не таким уж большим — семь-двенадцать метров в диаметре, но когда я попал вовнутрь, то обнаружил, что он гораздо больше, по моим оценкам он мог достигать в диаметре нескольких километров. Это был целый звездный корабль, наполненный множеством разумных и сверхразумных существ.

Корабль стремительно взмыл вверх. Я наблюдал через огромный экран как удаляется Земля. Подъем был настолько стремительным, что буквально через несколько секунд я увидел Землю размером с теннисный шарик.

Сбылась моя мечта — посмотреть на Землю из космоса!

Корабль приближался к Луне. Я находился в ясном сознании, внимательно слушая разъяснения обитателей корабля. Они объясняли свои цели, устройство вимана, также мы немного поговорили об обстановке на Земле. Их беспокоила земная экология, эгоистичное отношение человечества к Земле, в частности, чрезмерная добыча нефти людьми, что, по их мнению, нарушало баланс в тектонических плитах и могло привести к разным будущим проблемам.

Затем речь зашла о будущем Земли, и они словно на экране показали варианты будущего нашей планеты и человечества. Увиденное заставило меня задуматься — куда же движется человеческая раса? Кто вообще управляет развитием земной цивилизации? Почему люди действуют беспечно, без какого-либо стратегического плана?

Затем в одном из залов я увидел большую группу людей, человек двести, это были души землян, наших соотечественников. Все они стояли в длинной очереди и были подобны сомнамбулам, как бы спали, хотя их глаза были открыты. Они подходили по одному к некому аппарату, где с ними что-то проделывали. Эти души были просто втянуты в это пространство без их ведома. Как мне объяснили ученые из этой лаборатории, процесс был схож с вакцинацией или внедрением тонкоматериальных имплантатов для их же блага.

Я снова задумался: как много в мире происходит странных, удивительных, таинственных вещей, о которых даже не подозревают обычные люди, поглощенные повседневной суетой. Но так уж мы устроены. Наше сознание отсекает все мистическое, жестко фиксируя нас на внешнем обыденном мире. Вселенная сужается для нас до привычного обывательского мирка. Мы изгнали дух тайного, сакрального, священного из нашей жизни ради комфорта, стабильности и удобства. Мы понимаем только то, что хотим понимать, то, что нам привычно. Мы перестали интересоваться вещами, которые выходят за грань нашего понимания,

сосредоточившись лишь на том, что дает удобство, комфорт и исполняет человеческие желания. То, чего мы не знаем, как бы и не существует для нас. Но разве все это куда-то исчезло? Разве тайна жизни перестала существовать?

Экзамен богини Тары

В 2000 году я около трех месяцев медитировал в Крыму, в горном селе Перевальном. Мои ученики сняли там небольшой двухэтажный дом в живописном месте. Его хозяин жил, кажется, в Алуште, ему было лет тридцать. Он не очень понимал, кто мы такие и что такое йога. Я видел вопросительную вибрацию его мыслей всякий раз, когда он заходил в этот дом.

Перед домом была площадка с видом на горы, на которой я обычно медитировал и делал пранаямы. Я занимался пранаямой каждый день по несколько часов, а затем уходил к себе в комнату, чтобы медитировать.

Однажды я сел в медитацию, и мое сознание отрешилось от тела. Я был здесь же, в этой комнате в тонком теле, и внезапно вибрации вокруг изменились. Глазами тонкого тела я увидел богиню Тару, изящную, прекрасную, которая низошла сверху, встав прямо передо мной. Считается, что для начитывания мантры, молитв или призывания богини Тары не нужны никакие посвящения или передачи, поскольку ее обет сострадания распространяется на всех и без всяких условий. Я давно знал об этом и в каком-то смысле ожидал ее появления.

Тара вступила со мной в активный мысленный контакт. Мне это показалось проверкой или экзаменом на духовную зрелость. Этот мысленный телепатический обмен происходил на очень высокой скорости. Может быть, в три-пять или десять раз выше той скорости, на которой обычно общаются люди друг с другом. Она задавала мне вопросы, касающиеся тончайших нюансов духовной практики, созерцания, природы ума, пустотности всех объектов, нераздельности сознания и внешнего мира, а я на такой же скорости отвечал ей. Это был экзамен высочайшей степени сложности, и мне потребовалась вся моя осознанность, чтобы поддерживать общение на такой скорости на столь глубокие темы.

Мои ответы были не от ума, а из моего сахаджа-сознания, состояния осознанности. Если бы я попытался давать ответы на уровне логики, размышляя, то не успел бы ответить даже на один вопрос. А это был целый шквал вопросов. Говоря языком современных технологий, это была сверхскорость при передаче информации. Наконец, удовлетворившись моими ответами, она как бы на мгновение задумалась, глубже вошла в мое сознание, и, увидев там кое-что, словно извлекла это наружу, прямо показывая мне самому, и задала вопрос:

— Ну, а что ты скажешь насчет этого?

Это был самый трудный вопрос. Думаю, не каждый садху мог бы легко дать ответ на него. Но у меня это получилось легко, поскольку для себя я уже дал все ответы на все вопросы, в том числе и на этот. У меня не было ни сомнений, ни раздумий, но была вера и осознание правильности, истинности своего пути.

Когда богиня услышала последний ответ, она расцвела в улыбке и, сделав благословляющую мудру, начала медленно растворяться в воздухе, исчезая и уносясь куда-то вверх и вдаль.

Неожиданно сам для себя я буквально закричал в тонком теле:

— Не уходи! Останься! Я хотел бы быть с тобой!

Она улыбнулась, глядя сверху вниз, и сделала величественный жест, махнув рукой.

Из ее руки что-то изошло и стало плавно опускаться вниз на пол, к моим ногам. Я рассмотрел поближе — это был удивительный, очень изящный, с красивыми узорами и орнаментом, переливающийся удивительными цветами платок. Символ благословения богини Тары. Он как бы вошел в мое тело, оставив ощущение чего-то чудесного, утонченного, изящного и одновременно бесконечно глубокого.

После этого даршана я обнаружил, что эти качества стали понемногу проявляться внутри меня.

Нисхождение богини в Дивья Локе

В 2001 году я возвращался один после коллективной практики из маленького алтарного зала, который называется «Радужный Свет». Тогда этот зал казался нам большим и вполне приличным, хотя сделан был из неотесанных бревен. Я спустился к оврагу и увидел, что прямо передо мной, в небе, у входа в соседнюю деревню (в которой сейчас расположены главные здания Дивья Локи) в воздухе стоят десять или девять световых столбов.

Все столбы были серебристо-белого цвета, каждый высотой километра полтора, то есть почти до облаков. А один столб, самый крайний слева, был рубиново-красным. Я также чувствовал какие-то необычные вибрации в тонком мире. Вся обстановка вокруг казалась нереальной.

У меня немного кружилась голова, и перед глазами как будто все вибрировало. Я решил пойти вперед, подойти поближе к этим столбам и разобраться, что же это такое. Я спустился через овраг и прошел по тропинке через поле. Столбы света не исчезали. В деревне лаяли и метались собаки. Казалось, они были возбуждены или сбиты с толку чем-то необычным.

Я подошел к домику, и внезапно наступила необычная, густая тишина. Она словно повисла в воздухе и погрузила всю деревню в оцепенение. Было такое ощущение, будто все замерло и остановилось. Не было слышно ни лая собак, ни вообще чего бы то ни было.

Я решил медитировать, чтобы понять, что это такое, с помощью тонкого зрения.

Перед внутренним взором замелькали некоторые события, связанные с практикой.

Я вошел в тонкое тело и внезапно увидел в своем домике парящую в пространстве богиню. Она была не очень большой, может быть с метр ростом. Она сидела в позе лотоса, на ней была изящная корона и украшения. Богиня парила неподвижно в воздухе и была похожа на застывшую статую. Но это была не статуя, а настоящая богиня. Ее тело было белым с золотистым оттенком, у нее были две руки и одна голова, а также цветок в руке. От нее исходило нечеловеческое величие, бесстрашие и спокойствие. Богиня была очень отрешена и бесконечно далека от человеческих дел и забот. Обычному человеку она могла бы даже показаться холодной. Но меня поразило не это, а то, что, когда она разговаривала со мной, ее энергия почти совсем не двигалась, не исходила из нее. Это завораживало. Это учило тому, как быть в осознании, таком же, как у богов.

Я тогда еще подумал, что в первый раз вижу такую Богиню, которая столь глубоко погружена внутрь себя, в сахаджа-самадхи, и что ее энергия не покидает центральный канал даже во время общения. Как выяснилось, эта богиня была предводительницей, Владычицей одной из Чистых стран. Она низошла по десяти светящимся столбам света, чтобы пообщаться со мной и дать кое-какие советы по поводу моей деятельности и миссии распространения Учения.

Я почувствовал очень тонкую прану, из которой состояло тело богини, и получил ощущение глубокой погруженности в состояние недвойственности. Это было истинное, глубочайшее сахаджа-самадхи в теле божества, которое я помню до сих пор очень ярко. В каком-то смысле я в своей практике стремлюсь к такому самадхи.

Затем богиня исчезла, просто растворившись в пространстве. Я вышел из домика, столбы света исчезли. Снова появились звуки. Мир людей как бы пришел в себя и возвратился к своей прежней жизни.

Дружеский поединок с бессмертным даосом

Однажды, в 2002 году, путешествуя по тонкому миру, я встретился с бессмертным даосом. Он не назвал мне своего имени, но я подумал, что, судя по энергии, он, возможно, один из тех восьми знаменитых китайских бессмертных, которыми так гордится китайская культура и мифология.

Даос пристально, оценивающе смотрел на меня, пытаюсь прочувствовать мое сознание. Мне показалось, он даже удивился. Мы пообщались некоторое время с ним, используя мысленный контакт. Узнав, что я владею восточными единоборствами, он предложил мне дружеский спарринг в тонком теле. Я согласился, и мы начали поединок.

Еще с самого детства я любил единоборства. Я занимался самбо, дзюдо, а затем, позже, в старших классах — каратэ. Занимаясь ими, я очень много упражнялся в мысленной визуализации поединков и различных приемов из единоборств. Это было одним из моих тайных хобби. В своих визуализациях я выполнял такие невероятные трюки, которым бы позавидовали самые великие мастера кунг-фу из Шаолиня. Это помогало мне легко овладеть ими в физическом мире.

Поскольку поединок происходил не в физических телах, а в тонких, то решающее значение имело воображение, концентрация, воля и умение манипулировать тонким телом и энергией. Он был великим Мастером, и его владение приемами боевых искусств было виртуозным, фантастическим. Мне пришлось приложить огромную концентрацию и всю силу своего тренированного воображения в тонком теле, всю мощь медитации, чтобы быть ему достойным соперником. Я не победил его, но и не проиграл. Казалось, наши силы были равными. В конце концов, даос признал меня достойным соперником, сделал уважительный жест приветствия, и даровал свое особое благословение — материализовал зеленый шарик, похожий на малахит, и подарил мне.

Этот шарик как бы содержал в свернутом виде разнообразные знания бессмертных о питании своей жизненной силы, управлении энергией, восстановлении праны, использовании стихий и т.д.

Мои знания в области управления энергией значительно расширились. С тех пор, если я хочу получить более глубокие знания о работе с энергией, я обращаюсь к этому шарикю как к источнику и архиву знаний, которыми владеют бессмертные. Кстати, с этим бессмертным даосом в ту же ночь общался еще один монах, который был рядом со мной. Даос по словам монаха сказал ему:

— Я сам давно уже бессмертный и многих повидал, но, похоже, твой Гуру — очень сильный, я таких еще не видел.

Даршан царицы дакинй

Летом 2003 года в Дивья Локе я спал на улице в совсем маленькой одноместной палатке рядом со своим деревянным домиком. В этом сне я посетил Мир дакинй. В нем живет множество существ, похожих на людей, но наделенных магическими силами, преданных Дхарме. Они проводили ганапуджу. В центре собрания на большом троне величаво восседала Мать — царица дакинй. Она была красиво украшена и по пояс обнажена. Царица казалась похожей одновременно на богиню Лакшми и Сарасвати. На голове у нее была красивая корона. Она улыбалась, излучая величие, мудрость, силу и спокойствие.

Вокруг происходил ритуал поклонения, после чего всем присутствующим раздавалось тантрическое угощение. Каждый подходил к богине и выполнял ритуал, похожий на арати.

Я стоял в очереди среди других присутствующих и не совсем понимал, что мне нужно делать в этом ритуале. По толпе прошел удивленный шепот:

— Великая Мать раздает прасад, а он спит!

Я услышал его и подумал: «Я не сплю, я бодрствую, просто не знаю, что нужно делать». Кто-то из толпы протянул ко мне руку и передал записку, которая должна была указать, что мне нужно делать. В это время кто-то рядом сказал:

— Если он спит, давайте его пробудим.

Мое сознание еще раз возмутилось: «Да не сплю я! Я бодрствую, хоть мое тело и спит». Но в это время что-то загрохотало, очевидно, кто-то решил меня разбудить. Когда мое сознание вошло в физическое тело, я услышал раскаты грома, затем, прислушавшись, понял, что это был выстрел. «Наверное, кто-то охотился», — подумал я. Иногда в близлежащем лесу, в тайге, охотники стреляют из ружей. Однако этот выстрел был таким громким, что казалось, шел не из леса, а из места неподалеку от дома. Я встал и пошел искать — кто же это стреляет прямо рядом с моей палаткой, однако никого не нашел. Тогда я подумал, что, очевидно, этот звук был создан не на Земле, а пришел из того Мира дакинй, где я получал посвящение.

Благословение богини Кали

В 2003 году я непрерывно с утра до вечера практиковал сахаджа-крийи, объединяя сознание с муладхара-чакрой. Отчасти, это было моей личной практикой, отчасти — защитой от препятствий и влияния чужих карм, которые неизбежны, если ты начинаешь широко учить других и делаешь передачи.

Мое сознание было распахнуто, я пребывал в уверенном присутствии «Ахам Брахмасми», день ото дня углубляя свою санкальпу. Когда я глубоко погружался в естественное состояние, мое сознание могло буквально искривлять пространство вокруг, материализуя самые незначительные мысли. А если я объединял сознание с чакрами в теле, то проявлялись именно те качества, которые соответствовали чакре.

Мы проводили семинар по Лайя-йоге на старой базе отдыха в Звенигороде. Я не терял присутствия, интенсивно давая передачи и общаясь на даршанах. Напротив, оно даже углублялось. Казалось, весь мир был заключен во мне, и я его чувствовал через элемент земли — мулдохара-чакру. Внутри меня была очень мощная, напористая и даже гневная сила, но я хорошо знал присутствующую ей внутреннюю пустоту и легко управлял ею.

Выйдя из зала для ритрита, я сел в своей комнате и расслабился. Перед моим внутренним взором в тонком теле возникла огромная темно-синяя женщина. Она обладала огромной, просто невероятной, чудовищной силой. Она лежала на полу и пыталась приподняться. Эта женщина была внутри меня, она была частью меня. Когда она пыталась приподняться, я слегка забеспокоился и подумал: «Что же будет, если она поднимется полностью? Кто сумеет вынести ее невероятную мощь и силу?»

Пока я так размышлял, женщина превратилась в многорукую богиню Кали. В ее руках было оружие, ее глаза сверкали. Тело Богини было иссиня-черным, гладким. В двух ее руках была гирлянда, но в ней были не цветы, а черепа с пустыми глазницами. Богиня одела мне эту гирлянду на шею и исчезла.

Через некоторое время в комнату постучали. Зашла ученица и подарила мне четки, сделанные из кости. Каждая бусина была выполнена в форме черепа. «Благословение богини Кали проявилось внутри и снаружи», — подумал я.

После этого даршана мое состояние равностности, единого вкуса и осознанности значительно углубилось. Я по-настоящему увидел, как одно — чистое и нечистое, святое и грешное, злое и доброе, — пребывая в очень глубоком, отрешенном, нечеловеческом воззрении.

Даршан тантрической богини

Однажды, когда я медитировал в своем домике, находясь за пределами тела, я повстречал летящую по небу тантрическую богиню — дакини. Кстати слово «дакини» так и переводится «ходящая по небу».

Она сидела в позе лотоса и летела, перемещаясь в пространстве со скоростью ветра.

Увидев меня, богиня остановилась, пристально оглядела меня и воскликнула:

— О, я вижу, ты долгое время следовал ведическому пути, но сейчас готов к практике тантрического пути. Твой дух пуст, а сердце чисто, поэтому я научу тебя.

Мы общались с ней некоторое время на тонкие темы духовных практик, особых тайных методов работы с энергией. Речь шла о таких малоизвестных даже среди опытных садху понятиях, как единство блаженства-пустоты (сукха-шунья), сущность энергии желаний (кама-таттва), великая встреча (маха-мелана), равновесие (самйога), единый вкус (самарасья), выплавление и обретение нектара-амриты и других. В ее мире эти практики были весьма развиты и распространены.

Затем она приблизилась ко мне и соединилась с моим тонким телом через свадхистана-чакру. Это был чисто энергетический контакт. В меня на уровне свадхистана-чакры начала входить очень динамичная, активная энергия. Мы обменивались энергией как два живых силовых потока. Во мне не было ни чувства страсти, ни вожделения, но было очень сильное пробуждение энергии блаженства, которое я объединял в соответствии с ее тайными наставлениями.

Когда мы закончили практику обмена энергией, Богиня поднялась в воздух и полетела, следуя своим путем. Я же вошел в тело и обнаружил, что оно переполнено чистой энергией, особенно в области муладхара- и свадхистана-чакры. Эта энергия сохранялась еще в течение двух суток.

Эти знания я считаю уникальными и не спешу о них много говорить с другими, поскольку, чтобы их применять, нужен достаточный уровень мудрости, отрешения и чистоты.

Передача недвойственной тантры от свирепой дакини

Однажды после утренней садханы я, сидя в своей комнате для медитации, погрузился в изучение текста одной важной недвойственной тантры. Текст этой тантры, по сведениям, передали сиддхам в наш мир людей дакини-волшебницы, просветленные существа женского пола. Произошло это примерно около тысячи или полутора тысяч лет назад. Эта тантра длительное время вдохновляла меня, и я, наконец, захотел получить в нее персональную передачу, так сказать, из первых рук, от тех же божественных существ.

Я выполнил предварительное гадание, которое оказалось не вполне ясным, но вроде бы сулило успех. Затем выполнил обычные очистительные ритуалы, насытил тонкое тело энергией хранителя мира — Вишну, окутал его защитной силой пяти стихий, окружил себя защитным кругом и шатром, призвал благословление Древа святых и сделал подношения на алтарь.

После нескольких минут медитации я увидел благоприятные знаки, говорящие о том, что передача возможна. Выполнив преображение в божество медитации и создав намерение, я отправился в тонком теле в Мир дакинй, практикующих недвойственные тантрические учения. Вход в этот мир визуально располагался высоко вверху. К нему вела лестница, похожая на эскалатор в метро, ступени которой самостоятельно двигались вверх, если встать на них. Однако, чтобы «поехать» нужно было сделать подношение.

Сосредоточившись, я материализовал несколько золотых монет и поднес на входе к лестнице, просто бросив их на ступени. Лестница быстро пошла вверх и пронесла меня через ворота, которые служили границей между мирами — нашим и Миром дакинй. Некоторое время я пребывал словно в темноте, ничего не различая вокруг. Затем услышал голос, который читал нужную мне тантру, и просто пошел прямо на него. Я слышал звук, но не мог ничего видеть.

Через некоторое время я приблизился к источнику голоса. Появилось зрение. Это была сидящая дакини — существо женского пола, ростом раза в два больше меня. Я почувствовал себя маленьким ребенком, рискнувшим подойти к тигру. Энергию дакинй я научился узнавать безошибочно после ряда встреч с ними. Мне казалось, что у меня есть нечто общее с этим классом существ. Казалось, дакини уже ждала меня. Судя по всему, она читала эту тантру непрерывно уже много тысяч лет. Звучащая из ее уст тантра была как бы самой ее сутью, ее энергией. Она сама и была этой тантрой, ее сосудом.

Энергия дакини была нечеловеческой, запредельной и очень отрешенной... Это трудно объяснить. Словно ведешь разговор со сверхразумной, превосходящей тебя горой или планетой. Я, между тем, подумал об этике и самайе, которая принята в ее мире. Ведь, как бы

то ни было, все мы — садху, идем по пути, у всех нас должно быть нечто общее, то, что мы признаем и понимаем, хоть и живем в разных мирах и принадлежим к разным расам.

Я подумал, что, наверное, было бы правильным мне смиренно поклониться ей, сделать подношения и попросить передачу тантры, так, как это мы делаем в мире людей. Но, похоже, дакини совсем не интересовали тонкости человеческого этикета. Голос, произносящий тантру, продолжал звучать, а параллельно между нами, сразу без формальностей и церемоний, начался мысленный диалог.

Дакини спрашивала о цели моего прибытия, моем видении мира, а я отвечал на вопросы, касающиеся моего интереса к этой тантре, и моего понимания духовного пути.

У ее голоса была какая-то особая интонация, несущая энергию ее мира. Я до сих пор помню эту интонацию. Она часто служит мне как бы проводником в ее мир. Настрой этой дакини показался мне грозным, ее энергия была напористой, но меня это не смутило. Ведь, чтобы получить знания тайных учений, садху и сиддхи древности совершали куда более рискованные подвиги.

Приблизившись, она вместо ответа на мою просьбу просто несильно и бесцеремонно шлепнула меня рукой, и я оказался лежащим на «земле». Я просто упал, сбитый с ног этим шлепком. Дакини села сверху и пристально глядя мне в глаза, сверху вниз, продолжила произносить слова тантры.

Это была именно та самая тантра, которую я так стремился получить!

Я лежал, совершенно беспомощный, сохраняя присутствие осознанности, и не знал, радоваться ли мне или пугаться. Мои надежды на общую этику людей и дакинь рассеялись как дым. Тантра лилась в мои уши из ее сознания, как внушающая благоговение нечеловеческая интонация, красивая мелодия, наделенная очень глубоким смыслом и энергией. Я не мог даже представить, что она так глубока. Ее земной, бумажный текст, состоящий из слов, с которым я был знаком на земле, оказался лишь бледной копией, отблеском того запредельного сияния вне ума, который исходил из уст этой дакини...

Что значит передача!

Я, под воздействием ее взгляда и голоса, погрузился в глубокое недвойственное состояние.

Затем я почувствовал, как дакини надавила на некие точки в моем тонком теле, и вошел в еще более глубокое понимание, утратив ощущение тонкого тела. Я слышал лишь таинственный голос в пространстве, произносящий текст тантры, и льющееся из него осознание, которое, входя в меня, вело все глубже и глубже к запредельным, нечеловеческим истинам тайного учения.

Прошло немало времени. Я продолжал лежать в глубокой медитации, почти не дыша. Голос исчез, а сама дакини словно растворилась.

Приходил в себя я в своей комнате. Передача прошла успешно. Теперь я знал суть этой тантры.

Даршан святого Манджушримитры

Однажды... Войдя в самадхи, я покинул тело и отправился в одну из Чистых Стран, где в горах, похожих на Гималаи, живет в пещерах множество святых, практикующих недвойственные учения.

Когда я восстановил сознание, то обнаружил себя в иллюзорном теле. Немного поднявшись в гору по тропинке, я увидел пещеру. В ней в позе созерцания сидел садху. У него на голове была остроконечная шапка, и в одной руке он держал колокольчик. Над головой садху были радуги.

Когда я ему поклонился, он назвал меня сыном, и спросил:

— Что ты хочешь?

Я спросил, кто он, как его зовут и что он делает в этой пещере?

Он ответил:

— Я — одна из эманаций индийского сиддха Манджушримитры. Тысячи моих эманаций трудятся на благо живых существ во всех мирах, а эта эманация занимается в этой пещере духовной практикой, медитацией, недвойственным созерцанием.

Тогда я попросил его передать мне свое понимание недвойственности.

Улыбнувшись, садху запел, пристально глядя мне в глаза:

*Правильное и неправильное,
чистое и нечистое
проистекают из единой природы — Пустоты.*

*В этой Пустоте нет ни имени, ни формы,
ни понятий, ни мыслей,
но она есть источник всякой силы.*

*Тот, кто знает ее, не сковывается действиями
и закон кармы не имеет над ним власти.*

*Сансара и нирвана не находятся в разных местах,
это состояния омраченного и чистого разума.*

*Тот, кто постигает пустую природу своего «Я», —
соединяет все противоположности
в недвойственном воззрении.*

*Пребывай в недвойственном воззрении,
не разделяя на «то» и «это»,
и твоя карма исчерпается.*

*Прекрати действовать и оставайся
в великом покое и недеянии.*

*Прими решение оставаться в недеянии,
созерцай день и ночь, без отвлечений,
внутри себя великое пространство недеяния.*

*Ищи покой в движении, действуй из недеяния,
без чувства делающего.*

*Отпусти свое «Я», не цепляйся ни за что,
пребывай в своей естественной природе,
и тебя оставят надежды и страхи.*

Он продолжил:

*Посмотри: все, что ты видишь вокруг,
это не более чем иллюзия твоего двойственного ума.*

*Будь без концепций и отвлечений,
не давая оценки «за» и «против»,
а если даешь, то хотя бы не привязывайся к ним,
не смотри на «добро» и не смотри на «зло».*

*Пребывай в осознанности
за пределами оценок ума и вне концепций,
тогда откроешь внутри Изначальную Мудрость.
Сделаешь небольшое различие,
зацепишься за это —
и конца не будет страданиям, будешь раскаиваться,
снова на сотни кальп погрязнув в круге сансары.*

Затем от сознания садху как бы низошла ментальная волна, и он передал видение без слов, погрузив меня в возвышенную волну сознания, которая превосходила мое понимание.

После этого я вернулся в тело, пребывая в глубоком состоянии осознанности. Это состояние сохранялось еще долгое время в течение нескольких суток. Оно остается со мной до сих пор.

Йогин сказал:

*«Следуя низшим путям только аскетизма,
концентрации и поклонения,
не избавишься от иллюзии «я»,
и не удовлетворишься,
постоянно будешь искать нечто высшее.
Где же здесь покой, свобода от надежды и страха?*

*Пока природа «Я» не познана,
чтение мантр, пранаяма —
словно рога, носимые зайцем.*

*Все вещи — порождение сознания,
они подобны призракам или миражам,
а потому, следует искать корень иллюзии
в природе «Я».*

Кто «я»?

*Существует ли реально воспринимающий?
Каков его цвет и форма?*

*Учения, основанные на логике и словах Писаний,
не улавливают то непостижимое «Я»,
что за пределами логики и ума.
Путь, основанный на действии и поведении,
всегда упускает самого путника.*

*Мудрец, превзойдя низшие пути,
ищет первоначальную основу — «Я», субъект,
Ум бесконечный и непостижимый,
отбросив все дхармы,
основанные на внешнем действии.*

*Пусть самоисследованием он отсечет корень «я»,
пусть он ищет и найдет то, на что нельзя опереться.
Тогда сознание становится живым,
распахнутым, словно обнаженным.*

*Пребывая в обнаженной распахнутости осознания,
йог день и ночь живет, благоговейно удивляясь миру,
он подобен невинному ребенку,
который не научен выбирать.
Так все нечистые мысли очищаются».*

Йогин сказал:

«Мысли не следует подавлять —

*просто не придавай им значения
и позволь успокоиться.*

*Когда делаешь без понятия делания
и без желания плодов,
говоришь, но не придаешь словам значения,
думаешь, но не принимаешь и не отвергаешь чего-либо,
ты близок к ТОМУ, о йогин!*

*На низших путях, пока не победишь
всех солдат-мыслей,
неприятельская крепость будет стоять,
однако, если взять в плен царя –
солдаты перейдут на твою сторону.
Точно так же, когда эго-царь «я» рассечен
благодаря пониманию или самоисследованию,
все иллюзии вмиг прекращаются».*

Йогин сказал:

*«Даже тысячи рождений в мирах сансары
не могут омрачить свет нерожденной Реальности.
Даже мгновенная вспышка переживания
сияющей природы «Я»*

*в один миг растворяет все иллюзии,
происходящие от старых карм.*

*Когда эту Дхарму, подобную рычанию льва,
слышат люди со способностями овец,
они дрожат в ужасе и замешательстве.
Для них предписан аскетизм, Раджа-йога,
концентрация на входящем и выходящем дыхании,
остановка мыслей, пока их беспокойные умы
не станут подобными водной глади спящего озера».*

*Свами Вишнудевананда Гири
«Освобождающий нектар драгоценных наставлений»*